

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2007

Содержание

1. РАЗГОВОРЫ В МЕЗОН-ЛАФФИТЕ, 1981
2. РАЗГОВОРЫ С ЕЖИ ГЕДРОЙЦЕМ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ТАЙНЫ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА
5. ЛЯЛЯ
6. «ВУНДЕРКИНД» ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
7. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
8. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
9. СТИПЕНДИИ ДЛЯ КАНДИДАТОВ С ВОСТОКА
10. ПОЗИТИВНО О ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
11. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛЬШЕ

РАЗГОВОРЫ В МЕЗОН- ЛАФФИТЕ, 1981

— Вас с Меровшевским соединял принцип реализма и гибкости политической тактики. А каковы были постоянные принципы, такие, которых вы придерживались всегда?

— Всегда я придерживался, и, пожалуй, не только в «Культуре», проблематики национальностей, проблематики национализма и отношения к Советскому Союзу. Для меня вопрос нормализации польско-русских отношений всегда был одним из важнейших, причем независимо от борьбы против существующего строя. Для нас российская опасность колоссальна. Поэтому если я занимаюсь национальными вопросами, то не только по причинам, так сказать, гуманистическим — типа защиты прав человека и т.п.

Для меня самое главное — создание независимого украинского государства: чтобы между нами и Россией был буфер. Однако это страна с сорокаmillionным населением — крупнее Польши. И это для нас вопрос совершенно принципиальный. Это не вопрос федерации — не очень-то я эту федерацию вижу, да и не нужна она: слишком много крови между нами, чтобы сегодня говорить о польско-украинской федерации, а когда об этом заговаривают, украинцы только приходят в ярость. Но сам факт возникновения украинского государства дает нам возможность маневра. Тогда вы можете найти союзника в чем-то, направленном против России, и, мало того, вы находите и российского союзника в чем-то, направленном против Украины. Это дает идею маневра, возможность маневра. И это вопрос жизни и смерти польского государства.

— Считая только послевоенный период, период нового геополитического и политического положения, вы отстаиваете эту концепцию уже 33 года. Как по-вашему: стала эта концепция за прошедшее время реальнее или наоборот?

— Я считаю, что она становится все более реальной. Примите только во внимание, как изменились польско-украинские отношения. Они изменились в огромной степени, причем и в эмиграции, где поначалу любое взаимопонимание, любые дискуссии были исключительно трудными, а сегодня эти дискуссии проходят в прекрасной атмосфере. Проводятся

многочисленные коллоквиумы — то недавно в Канаде, то в Мюнхене, — польско-украинские научные конференции.

И это сотрудничество развивается очень хорошо также в отношении советской Украины. Мы в свое время издали по-украински антологию «Расстрелянное возрождение», составленную Юрием Лавриненко. Там были представлены поэты, расстрелянные при Сталине. Это стало в некотором роде сенсацией, так как там были многие тексты, совершенно неизвестные украинцам, настолько советская власть все изничтожила. Эта антология — и я говорю это без всякой мании величия — стала основой возрождения украинской литературы. Оттуда вышли так называемые украинские шестидесятники. Потому что те сто или двести экземпляров, которые попали на Украину, сыграли огромную роль.

— Но что стало с этими кругами теперь? В Польше обычно считают, что в 70-е годы и в России, и на Украине жестоко подавляли диссидентские движения.

— И даже во многом подавили. Но на Украине это движение все-таки остается сильным, даже сильнее, чем в самой России. Оно охватывает не только узкие круги интеллигенции, но и глубоко укоренено в академической среде, а главное — в массах. И это не так уж красиво, потому что это движение часто приобретает нацистский характер. Практически говоря, в массах прежде всего находит отклик лозунг «резать коммунистов и русских» и тому подобные настроения. Тем не менее, если вы возьмете в настоящий момент Киев или Харьков, вы увидите там не только очень большой интерес, но и очень большую симпатию к Польше. Это, кстати, совершенно недооценивают в Польше, среди польской интеллигенции. Не пытаются устанавливать контакты — я знаю, что это нелегко, но они этим просто пренебрегают.

— Как видно по вашей деятельности, вы по-прежнему верите в возможность решения этих вопросов. Это означает, что вы предполагаете возможность серьезных перемен, не правда ли?

— Мне кажется, что они неизбежны. Советский Союз — на пороге распада; это, на мой взгляд, не подлежит ни малейшему сомнению. Прежде всего в результате растущего национализма в отдельных союзных республиках. С этим невозможно будет справиться. А кроме того, есть недостаточно оцененное явление: появились русские, которые принимают отрыв Украины или самостоятельность других республик.

Вы себе не представляете, как это важно. Когда Пилсудский с Савинковым подписали договор насчет Украины, то, как только Савинков согласился на независимость Украины, он тут же перестал существовать для русской эмиграции. Другой пример: было такое интересное периодическое издание в Польше, выходившее до войны, которое выпускал Философов, тесно сотрудничавший с Савинковым, — «За свободу»; Философов умер под Варшавой во время войны. Вы этого издания не найдете нигде, ни в какой библиотеке, даже в Библиотеке Конгресса, — так его бойкотировала русская эмиграция. Только русская эмиграция в Польше его читала, потому что оно было на очень хорошем уровне, очень интересное, а другого не было.

Сейчас, однако, вы видите целый ряд деятелей, от Александра Солженицына до Владимира Максимова, которые концепцию независимости Украины приняли. И это уже не вызвало такой бури, как в 20-е или 30-е годы. Это огромный шаг вперед. Возьмите книгу Солженицына, его «Письмо вождям Советского Союза», там он ясно говорит, что надо ограничиться Центральной Россией и Сибирью, и даже пытается объяснить, почему: потому что там мы всех уже вырезали, там никого нет, остались только мы, русские. А остальные пусть делают что хотят. Я пересказываю это крайне упрощенно, но речь идет о том, что это писатель, у которого огромный отклик в России. Потому-то я эту книгу в высшей степени ценю. На нее страшно нападали, в частности и поляки, потому что, как вы знаете, концепция Солженицына в «Письме» — это практически сохранение существующего строя, только с заменой марксизма какими-то видами национализма и православием. Это нас не касается. Это чисто внутреннее российское дело — не наша задача давать русским советы, как им собою править. Для меня важнее всего то, что он согласен на независимость Украины, или народов Кавказа, или азиатских республик. Сегодня существует целое крыло русской интеллигенции, которое на это согласно. И это позволяет питать умеренный оптимизм.

— Кроме национальных вопросов, в «Культуре» постоянно проходит другой политический мотив: тезис или даже уверенность в том, что система, господствующая в Польше, может претерпеть изменения и что эти изменения воплотит в жизнь общество, а не эмиграция или западные правительства, а также убеждение или же диагноз, согласно которому такие перемены произведут рабочие, то есть что начало им положат рабочие. Такая позиция тоже встречалась крайне редко. Можете ли вы сказать, что повлияло на этот аспект вашего мышления о положении в Польше?

— Да, такие представления, как у меня, были крайне редкими — это признает даже Стефан Киселевский... Многие считали, что это мое лобби или даже мания. Никто в это не верил. И вот оказывается, что так все и произошло. Надо читать историю... Положение в Польше — конечно, нельзя проводить слишком далеко идущую аналогию — было похоже на положение в 1905 году. Было все это человеческое месиво рабочих, которых вопрос Польши, собственно говоря, не интересовал. Их интересовал девяти-, а не десятичасовой рабочий день и лучшие условия труда. Гений Пилсудского состоял в том, чтобы понять, что лозунги борьбы за независимость не играют никакой роли в этой среде, что надо выступить с социальными лозунгами и только прицепить к ним бело-красный флажок. И эта тактика оказалась правильной.

То же самое произошло в «Народной Польше». Старый рабочий слой исчез, пришло человеческое месиво — верно ведь, рабочий класс был месивом, не обладал, так сказать, классовым сознанием. Со временем оно начало вырабатываться и началось, разумеется, с социальной, бытовой проблематики. И только на этом фоне приходит политическая проблематика. Так что не нужно было большого ума, чтобы это понять. К сожалению, польская интеллигенция этого не понимала, очень долго не понимала.

— Не были ли все-таки для вас неожиданностью события августа 1980 го?

— Я бы солгал, сказав, что не были. Я не предполагал, что это будет так скоро. Неожиданностью для меня стали попросту темп и размах событий. Но то, что они должны были наступить, не вызывало у меня ни малейшего сомнения.

— В Польше развивается множество независимых издательских начинаний, поэтому многие стали интересоваться функционированием журналов и издательств...

— «Культура» и «Институт литерацкий» — это не прецедент. Отнюдь не прецедент. Этому нельзя подражать. «Культура» — дело весьма специфическое, неповторимое. Это как орден. Было четыре-пять человек, которые, собственно говоря, полностью себя этому посвятили. Это в каком-то смысле продолжение того, что мы делали в армии, живя в палатках. Да мы и до сих пор живем в этой палатке. Тут, в Мезон-Лаффите, мы и живем, и еду готовим, сидим весь день над всеми этими делами... Надо полностью себя этому посвятить. Практически говоря, это отказ от личной жизни.

— *Вы сознаёте цену, которую платите?*

— Ох, знаете, у всякого человека бывает чувство неудавшейся личной жизни. Но, если даже не говорить о возрасте, жить иначе я бы не сумел.

*Отрывок из книги Б.Торунчик «Разговоры в Мезон-Лаффите, 1981»,
Зешиты литерацке, 2006*

Барбара Торунчик, главный редактор журнала «Зешиты литерацке», основанного ею в 80-е гг. в Париже. Последние несколько лет этот журнал, считающийся органом польской интеллектуальной элиты, издается уже в Варшаве.

РАЗГОВОРЫ С ЕЖИ ГЕДРОЙЦЕМ

Среди многих публикаций в Год Ежи Гедройца, столетие со дня рождения которого отмечалось в прошлом году, особого внимания заслуживает книга Барбары Торунчик «Разговоры в Мезон-Лаффите, 1981». Эта книга важна по многим причинам. Во-первых, время, когда Торунчик разговаривала с Гедройцем, было для Польши временем особым — это был год «фестиваля» «Солидарности», пробуждения большого общественного движения, результатом которого в конце концов стало свержение коммунизма в Польше (и не только в Польше). Во-вторых, эта книга возникла раньше, чем записанные Кшиштофом Помянком интервью, составившие «Автобиографию в четыре руки» (1994), когда Гедройц смотрел на события в Польше и во всей Европе уже несколько с другой точки зрения, поэтому записи, сделанные Торунчик, носят характер источника непреходящей ценности. В-третьих, разговоры с Гедройцем ведет человек, который вскоре, в 1982 г., создаст «конкурентные» по отношению к «Культуре» «Зешиты литерацке» («Литературные тетради»), которые, как издаваемые Гедройцем «Зешиты хисторичне» («Исторические тетради»), составляют своего рода литературное «дополнение» к журналу Гедройца. Поэтому ничего удивительного, что, как пишет в предисловии Адам Михник, «в этом разговоре есть нечто от диалога Учителя с подмастерьем, который готовится к самостоятельной деятельности».

В книге предпринята попытка реконструировать программу парижской «Культуры» и разобраться в ключевых моментах биографии ее создателя. Полная увлекательных деталей, она часто бросает вызов исследователям. Хотя бы такой отрывок: «Когда Пилсудский с Савинковым подписали договор насчет Украины, то, как только Савинков согласился на независимость Украины, он тут же перестал существовать для русской эмиграции. Другой пример: было такое интересное периодическое издание в Польше, выходившее до войны, которое выпускал Философов, тесно сотрудничавший с Савинковым, — «За свободу»; Философов умер под Варшавой во время войны. Вы этого издания не найдете нигде, ни в какой библиотеке, даже в Библиотеке Конгресса, — так его бойкотировала русская эмиграция». Никого не удивит, что эти слова произносит человек, которому удалось выпустить общее с частью русской эмиграции заявление о праве Украины на

независимость. Но тут, как я сказал, и вызов исследователям: найти и проработать комплект журнала «За свободу»!

Есть в этой книге и несколько моментов, которые выглядят особенно интересными. Первый связан прежде всего с польской литературной жизнью. Вот Гедройц, говоря об изданной в «Институте литерацком» («Литературном институте», издательстве «Культуры» книге Милоша «Порабощенный ум», посвященной соцреалистическому эпизоду, замечает, что с самого начала считал эту книгу вредной: «Я считал ее очень важной тогда, когда она вышла, в 1953 году (...). Потому что она позволила писателям и мыслителям обрести утраченную девственность. Надо было пустить дымовую завесу, дать им оправдание — что это, мол, не был вопрос оппортунизма и попросту голого страха (...). И это сыграло колоссальную роль. Поэтому позже, после 1956 го, я был против ее переиздания: нельзя отпускать грехи дважды». Следовало бы, на мой взгляд, учитывать эти слова в контексте ведущихся сейчас в Польше дискуссий об ответственности творческой интеллигенции за поддержку, которую она оказала коммунистической системе. Единственное, что я могу добавить: в этих дискуссиях стоит выйти за пределы «нашего лагеря» и увидеть, что аналогично характеризовалась и западная творческая интеллигенция.

И, наконец, еще один момент, из подраздела «Обрывки разговоров», — важный, хотя, может быть, поразительный для тех, кто не знаком с историософским юмором Гедройца. Приведу цитату: «Знаете ли, я так себе мечтаю: хорошо бы было, если б дошло до скандала. (...) До новой мировой войны. (...) Всё бы рухнуло. Всё. И можно было бы ездить от Ла-Манша до Ледовитого океана. На тачанках. Был бы неслыханный хаос. Думаю, что это будет анархистская революция. И повсюду есть для этого почва. Никакой идеологии — слово возьмет вся эта сегодняшняя молодежь, то, что у них в голове. Страшные дела будут твориться». Гедройц — анархист? Не будем преувеличивать. Но видно, что это страстный читатель русской литературы — кстати, прямо он говорит об этом в «Автобиографии». Приведенный отрывок красноречиво свидетельствует о динамике политического воображения Гедройца, человека, всегда недовольного существующим положением дел, сознающего, что тот порядок, который сегодня регулирует наши политические отношения, уже исчерпался, а нового еще нет — отсюда картина этой «анархистской революции». Как всегда у Гедройца, это один из многих голосов, хор которых складывается в мышление о будущем — на страницах его журнала он не мог бы появиться как авторское слово редактора. Однако он с удовольствием

напечатал бы чье-нибудь сочинение, описывающее такую
«анархистскую революцию».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «На 5,8%, т.е. быстрее всего за последние 10 лет, выросла в 2006 г. польская экономика (...) Данные Главного статистического управления (ГСУ) застали врасплох многих экономистов, а также министерство финансов. Тем более что рост ВВП в четвертом квартале 2006 г., по всей видимости, составил более 6,3% (...) Больше всего удивил темп роста инвестиций. По оценкам ГСУ, в прошлом году он составил 16,7%, а в третьем и четвертом кварталах достигал даже 20% (...) Потребительские расходы домашних хозяйств выросли на 5,2%, в то время как еще в 2005 г. их рост составлял 1,8% (...) Средняя реальная начисленная зарплата на предприятиях с численностью работающих более девяти человек выросла в прошлом году на 4,2%. На протяжении последних семи лет ее рост колебался в пределах 1–2%, а в 2005 г. составил всего 1,2%. Тем не менее уже в декабре 2006 г. среднемесячная зарплата в фирмах впервые превысила 3000 злотых (...) Год назад Институт изучения рыночной экономики прогнозировал, что в 2006 г. экспорт вырастет на 7,7%. В настоящее время прогнозы института предусматривают 15 процентный рост (...) По данным ГСУ, объем экспорта по итогам первых трех кварталов вырос на 16,2%». (Игнаций Моравский, «Жечпосполита», 30 янв.)

• «Экспорт польских товаров в страны Центральной и Восточной Европы растет в головокружительном темпе (...) Наши товары все более охотно покупают чехи (рост на 49%), словаки (44%), украинцы (50%) и болгары (52%). Мы посылаем им автомобили, продукты питания, бытовую технику и стройматериалы. Экспорт в страны нашего региона растет почти на 50% в год (...) Динамично растет и польский экспорт в целом — в прошлом году он вырос почти на 20% и, судя по всему, его объем составил более 100 млрд. долларов. Однако основными нашими покупателями до сих пор были развитые страны ЕС. Экспорт — одна из главных движущих сил нашего экономического роста». («Жечпосполита», 3–4 февр.)

• «Агентство «Fitch» повысило международный кредитный рейтинг Польши в иностранной валюте с уровня ВВ+ до А–. Перспектива рейтинга стабильна. «Повышение рейтинга

отражает хорошие макроэкономические показатели, снижение внешнего финансового риска, а также определенное улучшение бюджетных показателей, несмотря на наблюдающуюся политическую нестабильность», — говорится в сообщении агентства». («Газета wyborcza», 19 янв.)

- «Иностранные предприниматели оставили у нас рекордную сумму 2,4 млрд. злотых (...) Бизнес-туристы составляют около 28% приезжающих в Польшу иностранцев. Из года в год их число растет (2004 — 3,6 млн., 2005 — 4,1 млн., 2006 — 4,4 млн.). Растут также их расходы, причем приблизительно на 100 млн. долларов в год». («Жечпосполита», 31 янв.)

- «В прошлом году в Польше обанкротилось 576 фирм, т.е. на 27 с лишним процентов меньше, чем в 2005 году (...) Число банкротств польских предприятий уменьшается уже четыре года подряд». («Жечпосполита», 21-22 янв.)

- «Исследования показывают, что 2,3 млн. безработных в Польше — это фикция. Из этого числа следует вычесть 1,5 млн. работающих в теневой экономике. Реальная безработица держится на уровне 5% (...) За 1400 злотых до вычета налогов нет смысла вставать каждое утро на работу не только в крупных городах, где формально уровень безработицы составляет по меньшей мере 12,3% (Краков) или 12,8% (Варшава), но и в регионах, где безработица выше всего, т.е. в Варминско-Мазурском (24,7%), Западно-Поморском (22,4%) или Люблинском (21%) воеводствах». (Йоанна Сольская, «Политика», 20 янв.)

- «Государственный долг растет медленнее, чем экономика (...) По предварительным оценкам министерства финансов, к концу прошлого года общая сумма долга государства и местного самоуправления (почти 500 млрд. злотых) не достигала уровня 48% ВВП. До недавнего времени экономисты опасались, что она превысит 50%. Тогда, согласно закону, следовало бы предпринять весьма неприятные меры». («Жечпосполита», 31 янв.)

- Проф. Вацлав Вильчинский: «Налицо положительное явление, суть которого в том, что соотношение расходов (главным образом социальных) и доходов государства не ухудшается. Благодаря этому бюджетный дефицит удерживается в разумных пределах. Однако нельзя забывать, что это не означает бюджетного равновесия. Даже если дефицит ниже запланированного, он все равно влечет за собой рост государственного долга и стоимости его обслуживания». («Жечпосполита», 31 янв.)

- «Польша — одна из самых бедных стран-членов ЕС, а расстояние, отделяющее нас от чехов или словаков, продолжает расти. Если реформы не начнутся, мы их никогда не догоним (...) Уже сейчас ВВП Словакии и Чехии выше, чем у нас, и их преимущество все увеличивается (...) Еще хуже дело обстоит, если сравнить ВВП на душу населения: в Евросоюзе более низкие показатели только у Латвии, Румынии и Болгарии». (Радослав Омахель, «Дзенник», 30 янв.)

- «Только в декабре 2006 г. предприятия и органы местного самоуправления получили из европейских фондов 1,4 млрд. злотых. Это рекордная сумма за весь период доступности структурных фондов (...) По данным министерства регионального развития, лучше всего мы используем те деньги, которые попадают в бюджет органов местного самоуправления, а также средства, предназначенные на развитие человеческих ресурсов — например, на профподготовку безработных». («Дзенник», 20–21 янв.)

- «Юристы ЕС пришли к окончательному выводу, что воеводы не имеют права налагать вето на решения органов местного самоуправления. Они не могут даже создавать комитеты, контролирующие расходование европейских дотаций (...) Согласно принятому в декабре закону о региональном развитии, воеводы могут блокировать решения органов местного самоуправления, касающиеся расходования дотаций ЕС, с помощью вето. Таким образом правительство хочет получить влияние на 16 млн. евро, которые попадут в распоряжение органов местного самоуправления в 2007–2013 годах (...) Европейская комиссия относится к вопросу вето очень серьезно (...) Процедура может довести Польшу до Европейского суда и закончиться многомиллионными штрафами». («Газета wyborча», 5 февр.)

- «Польша явно начинает отставать от стран Евросоюза, лидирующих в соблюдении общеевропейского законодательства. У нас уже 48 процессов в люксембургском [Европейском] суде. Вчера Еврокомиссия опубликовала отчет о введении и выполнении директив ЕС, в котором ситуация в Польше названа тревожной (...) 48 процессов — это вдвое больше, чем в среднем у других государств». («Жечпосполита», 2 февр.)

- «Роспуда обречена. Уже в конце февраля на уникальных болотах реки Роспуды могут появиться бульдозеры. Министр охраны окружающей среды Ян Шишко окончательно отверг протесты экологов, уполномоченного по правам человека и Европейской комиссии (...) Первыми будут уничтожены 20 тыс.

окружающих долину деревьев (...) Их место должна занять 17 километровая объездная дорога вокруг Августова». («Газета wyborча», 6 февр.)

- «Барбара Хельферих, представитель комиссара ЕС по охране окружающей среды Ставроса Димаса, сказала, что теперь дисциплинарная процедура против Польши будет ускорена. Польше грозят штрафы и даже приостановка работ». («Газета wyborча», 10–11 февр.)

- «Дзенник» напоминает слова Станислава Лема: «Мы бездумно разрушаем биосферу, безвозвратно уничтожаем всё новые виды (...) Всей биосфере мы наносим удары, которые еще более углубляют повреждения ее прежнего гомеостаза». («Дзенник», 10–11 февр.)

- «С января 2008 г. грузовые машины, предназначенные для перевозки животных (если время транспортировки превышает 8 часов), должны иметь специальную лицензию, подтверждающую, что машины эти оборудованы, в частности, поилками для животных, механической вентиляцией и индикаторами температуры. Водители и лица, ухаживающие за животными, тоже должны будут иметь соответствующие сертификаты (...) Годом позже, т.е. с января 2009 г., все машины (старые и новые) должны быть оборудованы системой спутниковой навигации (что облегчит определение их местоположения). Таковы требования директивы ЕС, которая вступила в силу в начале текущего года». («Жечпосполита», 31 янв.)

- «В этом году на Всемирном экономическом форуме в Давосе не было ни одного официального представителя Польши. Премьер-министр выразил желание участвовать, — объясняла вчера в Сейме министр иностранных дел Анна Фотыга. — К сожалению, организаторы были не в состоянии организовать этот визит». («Газета wyborча», 26 янв.)

- «Коррупция, хаос политических и законодательных изменений, а также неэластичный рынок труда — вот главные причины нашей слабой позиции в последнем рейтинге фонда «Heritage», оценившего уровень экономической свободы в мире». («Жечпосполита», 17 янв.)

- Два мнения о последнем фильме Станислава Тыма «Рысь». Яцек Цесляк: «Он высмеивает депутатов, которые (...) за всю жизнь не сказали ни слова правды, журналистов, забывающих о своей миссии в погоне за зрительскими рейтингами и благосклонностью властей, священников, путающих духовное

призвание с пристрастием к политике и бизнесу (...) «Рысь» — это лучшая польская комедия со времен «Мися» (...) Через полтора десятка лет после установления демократии автор показывает, что нет такого абсурда, который был бы невозможен в нашей жизни (...) Да здоровствует Станислав Тым!» Кшиштоф Готтсман: «Перед премьерой «Рыся» [Тым] говорил: «С течением лет я все больше убеждаюсь, что все политические системы имеют третьестепенное значение. Невзирая на системы, люди остаются прежними. Их интересует укрепление власти, назначение на высокие должности, сиюминутная выгода» (...) Тым представляет Польшу в виде гетто, управляемого священниками, гангстерами и продажными политиками (...) Такой Польши не существует». («Жечпосполита», 8 февр.)

• Рышард Капустинский: «Ключевое значение имеет то, что Польша наконец может участвовать в общемировых переменах. Это следствие окончания холодной войны и связанной с ним общей открытости мира (...) Первое, что можно назвать небывалым прогрессом, — это исчезновение границ (...) В общемировом масштабе конец холодной войны принес и еще одну тенденцию — демократизацию общественной жизни (...) Третье важное событие (...) — это электронная революция, а значит, огромное пространство для виртуального обмена между обществами, между людьми (...) Однако Польши коснулись и негативные явления, характерные для глобального мира. Взять хотя бы все возрастающее неравенство (...) Становится ясно, что процессы, идущие сейчас в Польше, соответствуют процессам, идущим во всем мире. Мы оказались в главном русле событий, прокатывающихся через нашу планету (...) В Польше, как и во всем мире, тоже борются друг с другом два противоположных течения: интеграции и дезинтеграции. Итак, технологическая и коммуникационная революция, демократизация как выражение открытости и интеграции обществ сталкиваются с провинциализмом, национализмом, а порой и с ксенофобией». («Политика», 3 февр.)

• Профессор Яцек Курчевский, социолог из Варшавского университета: «Сегодняшнее польское общество — это общество победившего среднего класса. Он действительно существует — просто я считаю, что у нас необычайно трудно получить истинные данные, позволяющие определить его границы». («Политика», 27 янв.)

• «Более 10 млн. поляков пользуются Интернетом. На портале Gazeta.pl дискуссионные форумы ежемесячно просматривают

свыше двух миллионов человек. Из них 25% не только читают, но и принимают участие в разговоре. Можно жаловаться на стиль дискуссии и ее температуру, но в Сети по крайней мере идет хоть какая-то дискуссия (...) 90% пользователей Сети используют ее для общения с другими. «Мы все меньше напоминаем портал, поставляющий информацию, а все больше — платформу, позволяющую другим делиться информацией, — признаёт Томаш Беняс, начальник отдела «Общество» в портале Gazeta.pl (...) — Люди беседуют о новостях, полученных из разных источников, и я часто бываю под впечатлением их знаний — особенно на узкоспециальные темы». (Зигмунт Милошевский, «Ньюсуик-Польша», 4 февр.)

- «Самые бедные рабочие из Подлясья могут заработать на жизнь необычным способом — читая и переписывая книги и газеты. Такая работа предоставляется самым бедным и безработным (...) Варшавский Фонд помощи детям look4win пришел к выводу, что чтение может стать для этих людей толчком к самостоятельным действиям и побудить их к попытке выйти из жизненного кризиса (...) Поэтому филантропы решили платить за чтение: 50 злотых за книгу, 20 — за 10 статей. Вознаграждение выдается в виде талонов, которыми можно расплачиваться в магазине». («Жечпосполита», 20-21 янв.)

- «Из анкет, отправленных школами в министерство образования, следует, что за последние два года забеременели 11 тыс. школьниц. 34 случая имели место в неполных средних школах, свыше 300 касаются девочек младше 15 лет». («Тыгодник повшехный», 28 янв.)

- «У поляков, живущих в Шотландии, есть уже собственные пабы, магазины, рестораны и бары. Теперь они захотели внести польские элементы в шотландку, сообщает «Таймс». Так возник польский тартан (...) Сегодня шотландцы воспринимают поляков как новый клан, который, разумеется, должен был создать свой собственный тартан, дающий возможность отличить его от других. Польский тартан представляет собой комбинацию красного, белого (цветов польского флага) и темно-синего, символизирующего Шотландию (...) Польский тартан был выпущен эдинбургской фирмой International Tartans». («Дзенник», 22 янв.)

- «Полякам все труднее зарабатывать на приграничной торговле с Россией. Въезжая в Калининградскую область на машине, нужно каждый раз платить 120 рублей (около 12 злотых) пошлины. Российские торговцы, пересекая нашу границу, не платят ничего. Тем самым они становятся более

конкурентоспособными. Подобные ограничения, хоть и ненадолго, россияне ввели год назад. Тогда польские «челноки» перед самой границей пересаживались с машины на велосипед». («Политика», 20 янв.)

- «В Ольштын приехали 30 российских детей, больных сахарным диабетом (...) Это уже вторая группа детей из Калининграда, которые лечатся в Ольштыне. Это стало возможным благодаря акции Польского общества диабетиков, которое не только организовало проезд, но и нашло оплативших его спонсоров». («Дзенник», 5 февр.)

- «Россия пытается усилить свое влияние в «ЕвроПолГазе» — компании, которой принадлежит польский отрезок ямальского трубопровода (...) «Газпром» требует изменений в уставе «ЕвроПолГаза» (...) чтобы купить третьего акционера компании — фирму «Газ-Трейдинг» (...) «Газпром» платит за пользование польским отрезком газопровода по заниженным ставкам (...) более низким, чем утвержденные Управлением по делам регуляции энергетики (...) Попытки усилить российское влияние в «ЕвроПолГазе» напоминают недавние события в Белоруссии и на Украине». («Жечпосполита», 17 янв.)

- В прошлом году польский экспорт в Россию вырос на одну шестую. Вместо мяса, на которое в ноябре 2005 г. Россия наложила эмбарго, мы продаем больше убойного скота. До конца августа 2006 г. правительство оценивало потери из-за эмбарго в 22 млн. долларов, что составляет менее 1% польского экспорта. В то же время экспорт убойного скота вырос на 6,4%. Более ощутимо российское эмбарго на польские растительные продукты — по истечении трех кварталов объем их экспорта упал на 63%, т.е. на 57,8 млн. евро. Зато экспорт польской электромашиностроительной промышленности в Россию вырос на 30%. («Газета выборча», 16 янв.)

- «По сообщению «Коммерсанта», через три месяца должны вступить в силу новые ограничения. Ими будут охвачены изделия из синтетических материалов, лекарства и стройматериалы. «Соответствующее ведомство уже дало указания проработать целый ряд обоснованных шагов в этом направлении», — подчеркивают информаторы «Коммерсанта» (...) «Спор о мясе — это спор о том, должна ли Россия признать Польшу членом ЕС. Согласно действующему соглашению между Россией и Евросоюзом, Россия не может использовать подобные методы. Если она к ним прибегнет, то Польша наверняка не отменит своего вето [на подписание нового соглашения]», — сказал вчера премьер-министр Ярослав Качинский». («Жечпосполита», 7 февр.)

• Виктор Шендерович: «Сегодняшние наши межгосударственные отношения, образ русского в Польше и образ поляка в России сильно отличаются от того, что мы имеем в действительности (...) Станислав Ежи Лец, которого я помню с юности по «Пшекрую», Вайда, Мрожек, польская современная драматургия — все это, вплоть до Барбары Брыльской, которая была секс-символом моего поколения, сформировало огромное количество русских. В варшавском районе Воля похоронен отец Александра Блока. У всех моих друзей есть какие-нибудь польские связи. В Иркутске живет много польской интеллигенции. Мы испытываем к полякам теплые чувства. Может быть, с легким оттенком зависти — ведь ни с кем не бывает таких острых конфликтов, как с кем-нибудь из родных. Думаю, что я могу говорить от имени многих людей, не только интеллигентов». («Газета выборча», 20-21 янв.)

• Среди рассекреченных в прошлом году документов Варшавского договора обнаружилась документация, касающаяся ядерного оружия, из которой следует, что «на протяжении более 20 лет на территории нашей страны размещалось атомное оружие. В случае агрессии Варшавского договора против Западной Европы Народное Войско Польское должно было по приказу из Москвы запустить 178 ядерных ракет (...) Склады были построены в 1967-1970 гг. в Темплеве близ Тшемешна-Любушского, в Бжезнице-Колонии близ Яструва и в Подборске близ Бялогарда. Польша финансировала строительство, но исключительное право пользования складами принадлежало Москве (...) О том, что на территории Польши находится ядерное оружие, знали только 12 высших офицеров [польской] армии». («Дзенник», 26 янв.)

• «Американцы предложили Польше строительство базы ПРО, а Чехии — радара. И то и другое должно стать частью системы ПРО (...) Однако Польша требует разместить на ее территории систему обороны против ракет малой дальности». («Тыгодник повшехный», 4 февр.)

• «Владимир Путин подверг резкой критике идею размещения в Польше [одной из баз] американского противоракетного щита (...) Он заверил, что Россия (...) располагает ракетами, способными пробить любой щит. «Это, конечно, имеет к нам прямое отношение и, разумеется, будет вызывать соответствующую реакцию. Как я уже сказал, эта реакция будет ассиметричной, но в высшей степени эффективной», — подчеркнул Путин». («Жечпосполита», 2 февр.)

- «В принципе Варшава должна поблагодарить президента Путина за его вчерашние слова (...) Американцы все время повторяют, что базе не нужна никакая дополнительная защита, так как она способна защитить себя сама. Разумеется, от ракет дальнего радиуса действия, летящих откуда-нибудь с Ближнего Востока (...) Мы же имеем в виду защиту не щита (...) а Польши, причем от опасности совсем с другой стороны. Угрозы нашего восточного соседа лишь подтверждают нашу правоту (...) Нам необходимы гарантии безопасности. Вчера Путин однозначно это подтвердил». (Петр Гиллерт, «Жечпосполита», 2 февр.)
- «Вице-премьер Украины (...) Николай Азаров подверг критике планы размещения элементов американского противоракетного щита на территории Польши и Чехии». («Жечпосполита», 6 февр.)
- «Литва выдала Польше подозреваемого в шпионаже белоруса Сергея М.». («Дзенник», 18 янв.)
- «К 2,5 годам лишения свободы и разжалованию приговорен 63 летний полковник запаса Збигнев III. за шпионаж в пользу США. Приговор вступил в законную силу». («Газета wyborcza», 9 февр.)
- «В пятницу белорусские пограничники не пустили на территорию Белоруссии вице-маршала Сената Кшиштофа Путру («Право и справедливость») (...) «Белорусское законодательство не предусматривает въезда на территорию страны вице-маршала польского Сейма», — услышал Путру от белорусских властей». («Жечпосполита», 27-28 янв.)
- «Страны Вышеградской группы заявили о намерении создать совместную боевую группу, в которую будут приглашены также украинские военные. Соединение численностью около 1500 человек будет подчиняться структурам ЕС. Решение создать европейское соединение приняли начальники генеральных штабов Венгрии, Польши, Словакии и Чехии (...) Группа должна быть создана до 2015 года». («Дзенник», 29 янв.)
- «Вице-премьер Украины Андрей Клюев заверил Брюссель, что Киев готов дотянуть нефтепровод Одесса — Броды по Польши. Нефтепровод должен транспортировать каспийскую нефть. Однако Клюев добавил, что необходим ясный сигнал со стороны Варшавы». («Дзенник», 30 янв.)
- Бывший министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк: «Как среди польских элит нет разногласий по поводу

отношений с Киевом, так и на Украине все политические партии согласны, что Польша — наш единственный полноценный стратегический партнер, а отношения с Варшавой по-прежнему будут для Киева приоритетными. Я надеюсь также, что нам удастся преодолеть те трудности, которые еще бросают тень на наши отношения». («Дзенник», 1 февр.)

- «Это поляки задерживают прокладку нефтепровода Одесса — Броды до Гданьска (...) По мнению вице-премьера Украины Николая Азарова, Польша медлит с принятием необходимых решений». («Дзенник», 7 февр.)

- «Вице-премьер Анджей Леппер получил звание почетного профессора киевской Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП) (...) Степень почетного доктора получил также зам. председателя «Самообороны» Януш Максимюк. «Эта академия — кузница антисемитизма, которую обходят стороной все уважающие себя украинские политики», — говорит Олег Соскин, директор киевского Института трансформации общества. По его мнению, решение политиков «Самообороны» принять почести может повредить польско-украинским отношениям». («Жечпосполита», 2 февр.)

- ««Это позор. Не могу поверить, что вице-премьер Леппер это сделал», — говорит известный философ Мирослав Попович, член Национального совета по делам культуры и религии при президенте Викторе Ющенко (...) [В свою очередь] депутат от Блока Юлии Тимошенко Александр Фельдман в письме польскому послу на Украине Яцеку Ключковскому написал: «Вручение диплома МАУП вице-премьеру Лепперу негативно повлияет на международный имидж Польши. Академия известна в мире как источник ксенофобии и антисемитской пропаганды». (...) Влиятельная организация американских евреев «Лига против диффамации» в специальном заявлении написала: «Мы возмущены тем, что вице-премьер Польши, страны-члена Евросоюза, принял очередной диплом от института, пропагандирующего антисемитизм»». («Жечпосполита», 3-4 февр.)

- «На гданьском Кладбище несуществующих кладбищ — символическом некрополе, созданном в память о разрушенных кладбищах разных вероисповеданий, — совместно молились митрополит Гданьский архиепископ Тадеуш Гоцловский и главный раввин Польши Михаэль Шудрих. Совместный молебен евреев и католиков о вере и взаимопонимании состоялся также в церкви св. Иоанна Богослова. Молебен возглавили раввин варшавской синагоги Ножиков Мацей

Павляк и епископ Мечислав Цисло из люблинской архиепархии». («Газета wyborcza», 18 янв.)

• «Президент Лех Качинский наградил кавалерскими и офицерскими крестами ордена Возрождения Польши 43 человека, которые во время войны жили поблизости от лагеря Аушвиц-Биркенау и оказывали помощь жертвам нацизма (...) В Варшаве воскресенье было Днем памяти о Катастрофе. Перед памятником Героям гетто прошли торжества, посвященные Ирене Сендлер, которая спасла 2,5 тысяч еврейских детей». («Газета wyborcza», 29 янв.)

• Приоритеты внешней политики президента Леха Качинского: «Евросоюз — прежде всего. Затем взаимоотношения с США, с Украиной, Литвой и другими странами, лежащими дальше к востоку... И, наконец, наша ближневосточная политика». («Пшекруй», 11 янв.)

• «Яцек Сариуш-Вольский стал председателем комиссии по иностранным делам Европарламента. Он был избран единогласно. Депутат от «Гражданской платформы» (ГП) сменил на этом посту немецкого политика Эльмара Брока из ХДС». («Жечпосполита», 1 февр.)

• «Лех Качинский создает себе интеллектуальную опору, которой должны стать ученые из Польской Академии наук и ведущих польских вузов (...) В пятницу почти 30 экспертов (в частности, основатель и главный редактор журнала «Новая Польша» Ежи Помяновский и директор Центра восточных исследований Яцек Тихоцкий) дискутировали о будущем России и польской восточной политики, а также о том, как убеждать Евросоюз в правильности польской точки зрения — например, в случае энергетического конфликта (...) В прошлом году было организовано шесть подобных встреч, на которых (...) побывали 60 ученых». («Ньюсуик-Польша», 21 янв.)

• «Министр обороны (...) Радослав Сикорский подал в отставку (...) Премьер-министр Ярослав Качинский эту отставку принял. Новым министром обороны стал Александр Щигло, некогда заместитель Сикорского, а на протяжении последних нескольких месяцев — начальник Канцелярии президента (...) Оппозиция единодушно заявила, что отставка министра обороны перед самым началом миссии в Афганистане — вещь неслыханная (...) Даже политики «Права и справедливости» (Пис) замечают, что уход Сикорского ослабляет позицию правительства. «Жаль, что ушел компетентный политик, имеющий хорошую репутацию в Польше и за границей», —

говорит (...) заместитель председателя партии Казимеж М. Уяздовский». («Дзенник», 6 февр.)

- «Вчера от взрыва мины-ловушки погиб старший рядовой Петр Нита из 25 й бригады воздушной кавалерии (...) Трое других солдат получили легкие ранения (...) Со смертью Петра Ниты число поляков, погибших в Ираке начиная с 3 сентября 2003 г., увеличилось до 24 человек (...) В настоящее время [польский] контингент насчитывает 900 военнослужащих и лиц гражданского персонала». («Дзенник», 8 февр.)

- «Министр внутренних дел Людвик Дорн подал в отставку. Его преемником стал Януш Качмарек, ранее национальный прокурор. Дорн останется в правительстве вице-премьером без портфеля (...) Он был одним из самых верных людей Ярослава Качинского». («Дзенник», 8 февр.)

- «На ежегодную Конференцию безопасности в Мюнхене не прибыл ни один представитель польского МИДа и министерства национальной обороны (МНО). МНО будет представлять военный атташе посольства в Берлине (...) Польшу будет представлять директор департамента в канцелярии премьер-министра (...) В Мюнхен должен был ехать министр национальной обороны Радослав Сикорский, но в понедельник он подал в отставку. «Приглашение было именное, для министра Сикорского. Поскольку отставка произошла почти накануне конференции, мы не могли ничего сделать (...)», — объяснил пресс-секретарь МНО». («Газета wyborча», 10-11 февр.)

- «Тревогу вызывает то, что у правителей Польши и России слишком много общего. Правление Ярослава Качинского все больше напоминает стиль политики президента Российской Федерации Владимира Путина — такой диагноз уже несколько месяцев назад поставил на страницах чешской правоцентристской газеты «Лидове новины» известный публицист, начальник международного отдела газеты Любош Палата». (Александр Качоровский, «Ньюсуик-Польша», 4 февр.)

- «Премьер-министр Ярослав Качинский работает без послаблений. Вчера около полудня сломавший в воскресенье руку премьер вышел из больницы. Он поехал домой пообедать, надеть свежую рубашку и сменить костюм. В своей канцелярии он появился незадолго до трех часов дня. Остаток дня он провел в своем кабинете. Премьер сломал левую руку, неудачно упав в президентском дворце, где в воскресенье он должен был участвовать в литургии (...) Премьер — правша, так что перелом не помешает ему в работе». («Дзенник», 30 янв.)

- Премьер-министр Ярослав Качинский: «Мы еще ничего не сделали, а, оказывается, уже угрожаем демократии. Это просто абсурд, но я думаю, что на это стоит ответить так: недавно журнал того же издателя, который издает «Ньюсуик», т.е. Шпрингера, разнесли в России, в Москве, в пух и прах из-за того, что на первой странице были какие-то неприятные замечания о жене московского мэра». («Газета выборча», 31 янв.)

- В рейтинге доверия ЦИОМа первое место занял министр юстиции Збигнев Зебро (62% доверия и 16% недоверия). За ним следуют: министр здравоохранения Збигнев Релига (60 и 17%), президент (мэр) Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц (50 и 22%), председатель ГП Дональд Туск (46 и 32%), президент Лех Качинский (42 и 41%), Лешек Бальцерович (41 и 30%). Восьмое место занял премьер-министр Ярослав Качинский (39 и 43%). («Газета выборча», 25 янв.)

- По данным ЦИОМ, только 14% поляков считают, что другим можно доверять (в 2002 г. их было 19%). 87% поляков не принадлежат ни к одной добровольной организации (в 2002 г. — 88%). («Газета выборча», 23 янв.)

- «Что делать, если человек просто недоверчив и никакие рациональные аргументы на него не действуют, хотя вообще-то он человек разумный? В этом случае надо быть очень осторожным, потому что состояние такой почти врожденной недоверчивости близко к паранойе или депрессии (...) По большому счету лучше, если иногда нашим доверием злоупотребят, чем вообще не доверять никому и ничему». (Мартин Круль, «Тыгодник повсехный», 4 февр.)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, в начале февраля ГП поддерживали 30% поляков, Пис — 28, «Левых и демократов» — 11, «Самооборону» — 6, «Лигу польских семей» и аграрную партию ПСЛ — по 2%. Избирательный барьер составляет 5%. («Газета выборча», 7 февр.)

- «Уже долгое время результаты опросов стабильны. Впереди две партии, которые значительно опережают другие, а расстояние между ними, как правило, колеблется в пределах статистической ошибки (...) Все опросы за последние месяцы, а также выборы в органы местного самоуправления говорят о том, что среднестатистический избиратель Пис старше, хуже образован, проживает в основном в средних и малых городах или в деревне, в центральных и восточных регионах. Избиратель ГП, напротив, лучше образован, моложе, живет в

крупных и средних городах в центральных и западных регионах (...) Сегодня все говорит о том, что третьей силой, способной набрать до 17–18% голосов, будут левые в коалиции с демократами». (Янина Парадовская, «Политика», 3 февр.)

• «Сейм принял президентское дополнение к закону о рассекречивании архивов органов госбезопасности ПНР, предусматривающее возвращение к люстрационным декларациям, проверяемым судом в рамках уголовной процедуры по ходатайству Института национальной памяти (ИНП) (...) Круг лиц, подлежащих люстрации, расширен за счет судебных исполнителей, чрезвычайных профессоров и доцентов». («Тыгодник повшехный», 4 февр.)

• «В первые годы свободы в Польше было только 6–8% сторонников люстрации — сегодня их более 60% (...) Одни спрашивают: кто нам это уготовал? Другие — как нас в это втянули? Для одних символ коммунизма — гэбэшник, для других — радостные толпы, аплодирующие Беруту, Гомулке и Гереку (...) Если корень зла в ненавидимой системе, то ее свержение и приход демократии должны были освободить нас от прошлого. Если же суть коммунизма заключалась во власти преступников, подлых людей, то они живут среди нас — неразоблаченные и безнаказанные (...) Пока что диагноз где-то посередине, но время от времени, в зависимости от нужд, стрелка отклоняется». (Тереса Богуцкая, «Газета wyborcza», 3–4 февр.)

• «Согласно отчету, опубликованному ЦИОМом, 65% опрошенных выступают за т.н. люстрацию духовенства. Одновременно 65% считают, что разоблачение духовных лиц, замешанных в сотрудничество с госбезопасностью, подрывает авторитет Церкви. Однако большая часть опрошенных (61%) заявила, что дело архиепископа Вельгуса не повлияло на их отношение к духовенству. 78% положительно восприняли то, что архиепископ Вельгус отказался от должности (противоположного мнения придерживаются 10%). 69% считают, что духовные лица, сознательно сотрудничавшие с госбезопасностью, должны уйти с занимаемых ими постов». («Тыгодник повшехный», 11 февр.)

• «37 тыс. летучих мышей насчитали (...) хироптероологи из нескольких стран (Польши, Великобритании, Норвегии, Голландии и Чехии) в подземельях Мендзыжецкого укрепленного района в Любушском воеводстве. В прошлом году там зимовало около 32 тыс. летучих мышей (...) Мыши зимуют на территории 32 километрового заповедника (...) В этом году там было обнаружено 11 видов летучих мышей из 25

обитающих в Польше (...) Мендзыжецкий район, укрепленный немцами после I Мировой войны, — одна из крупнейших в мире фортификационных систем (...) Он занимает 8 тыс. кв. километров, а длина подземных коридоров, соединяющих несколько десятков железобетонных бункеров, составляет около 32 километров». («Дзенник», 16 янв.)

• «С недавнего времени в нескольких районах Польши можно охотиться на бобров. Такое решение приняли воеводы, так как крестьяне жаловались, что бобры уничтожают посевы. Бобров в Польше около 25 тысяч (...) «Отстрел — самое простое, но в то же время самое жестокое и глупое решение проблемы», — считает председатель экологического клуба «Гайя» Яцек Божек». («Дзенник», 24 янв.)

• «Министр охраны окружающей среды Ян Шишко выдал разрешение на отстрел 30 зубров из стада в Беловежском национальном парке (...) В настоящее время в польской части Беловежской пуши живет около 430 зубров (...) Сразу же после уничтожения самых слабых особей (...) будет отловлено 15–20 зубров (...) Вероятнее всего, они попадут в Данию и Голландию. В 2006 г. шесть зубров были отправлены во Францию, а два — в Германию. Беловежский национальный парк — крупнейший в мире ареал зубра». («Дзенник», 7 февр.)

• Рышард Капустинский: «Меня увлекают теория фрагмента и книги, написанные фрагментами. Форма заметок, тетрадей, записок. В разросшемся, хаотическом и с трудом поддающемся упорядочению мире все идет в сторону коллажа — свободного собрания фрагментов». («Газета выборча», 29 янв.)

ТАЙНЫ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

— Распоряжение министра обороны Польши Радослава Сикорского о рассекречивании архивов Организации Варшавского договора вызвало оживленную реакцию в политических кругах Польши. Политики, представляющие партию «Право и справедливость», сочли, что решение министра полностью оправданно. По их мнению, рассекреченные документы показывают подлинное лицо Варшавского договора, а также его намерения в период «холодной войны». С другой стороны, представитель партии «Гражданская платформа», бывший министр обороны Бронислав Коморовский заявил, что раскрытие документации Варшавского договора, особенно военных планов, ставит в «довольно неловкое положение» США и НАТО, потому что именно их бомбами и ракетами должны были уничтожаться польские города. Наиболее яростными противниками рассекречивания документов Варшавского пакта оказались партийные деятели [посткоммунистического] «Союза демократических левых сил». Например, Ежи Шмайдинский, бывший министр национальной обороны в правительстве Марека Бельки, прямо заявил, что Польша нарушила соглашение, касающееся нерассекречивания этой документации, на что единодушно согласились государства-участники Организации Варшавского договора в момент его расформирования в 1991 году. Публикация секретного устава Варшавского договора, а также протоколов встреч руководства пакта и документации, относящейся к вторжению в Чехословакию, будет иметь «негативные последствия для Польши», — сказал Шмайдинский, выступая в программе польской радиостанции «Тройка». Как вы оцениваете решение министра Сикорского?

— Я считаю, что это правильное решение. Во-первых, нельзя забывать, что первое не вполне коммунистическое, квази-коалиционное правительство Тадеуша Мазовецкого, которое взяло на себя обязательства о нерассекречивании документации Варшавского договора, действовало в трудных внешнеполитических условиях. Когда расформировывался Варшавский договор, еще не было очевидно, что удастся бесповоротно освободить Восточную Европу из-под советского влияния. Теперешнее польское правительство действует в иной ситуации и в связи с этим не обязано считать своим долгом соблюдение договоренностей, которые не были

результатом свободного выбора его предшественников. Я согласна с принципом международного права «*pacta sunt servanda*» [«Договоры следует выполнять» (лат.)], но с одной оговоркой: всегда следует принимать во внимание, кто и почему заключил то или иное соглашение.

Я думаю, что последствия решения об открытии архивов будут наблюдаться в основном в сфере внутренней политики. Когда речь идет об оценке достижений ПНР и ее фактической или фиктивной суверенности, мнения поляков резко расходятся. Для нас, западных политологов, занимавшихся странами «социалистического лагеря», было совершенно очевидно, что в 70–80-е гг. независимость стран Центральной и Восточной Европы была абсолютной фикцией. Однако значительная часть польского общества очевидным образом этого факта просто не осознаёт. Об этом свидетельствуют результаты опросов общественного мнения, касающихся ответственности генерала Войцеха Ярузельского за введение военного положения в 1981 году. Половина опрошенных по-прежнему считает, что генерал спас Польшу, тогда как другая половина уверена, что он «польскими руками для русских жар загребал». Это противоречие невозможно устранить, не дав ответа на следующий вопрос: следовало ли считать своей обязанностью лояльность по отношению к политической системе, олицетворяемой Советским Союзом, в обстоятельствах, когда национальные интересы этого государства вступали в конфликт с польскими национальными интересами? Ответ на этот вопрос косвенно связан также с оценкой деятельности полковника Рышарда Куклинского. Многие в Польше по-прежнему считают, что полковник был предателем, так как шпионил для иностранной державы — вопреки интересам Организации Варшавского договора, который Польша подписала. Если появится возможность продемонстрировать, опираясь на архивные документы, что интересы Организации Варшавского договора явным образом резко противоречили польским государственным интересам, тогда споры о «предательстве» Куклинского больше не будут иметь под собой рационального основания. То, что было обнародовано польским оборонным ведомством, нельзя назвать иначе, как шокирующим. Действительно, Москва в своих стратегических планах исходила из предпосылки, что ее союзница ПНР будет полностью уничтожена в случае вооруженного конфликта с Западом. Наверно, это было бы даже удобно для Кремля, так как Польша всегда рассматривалась там как заноза в теле империи. Но неужели в этом контексте можно еще спорить о какой-то лояльности?

Что касается межнациональных последствий, то я хотела бы подчеркнуть один важный момент. Когда будут опубликованы документальные доказательства того, что Москва с самого начала и совершенно сознательно игнорировала интересы «младших братьев» по Варшавскому договору, это наверняка опровергнет целый ряд ошибочных представлений, бытовавших на Западе в годы «холодной войны». Прежде всего будет разрушен миф, согласно которому Советский Союз играл в рамках Варшавского пакта роль, аналогичную роли США в НАТО. Организация Варшавского договора была создана в 1955 г. в качестве противовеса Североатлантическому союзу. Многие на Западе воспринимали Варшавский договор как его структурный аналог. Считалось, что все государства-участники Варшавского пакта, а не только СССР, имеют право голоса при обсуждении военных вопросов. Для подтверждения тезиса о квазипартнерских отношениях внутри Варшавского пакта некоторые наблюдатели ссылались на пример Румынии, которой было позволено занимать особую позицию и проводить сравнительно независимую национальную оборонную политику. При этом, однако, эти наблюдатели чаще всего забывают, что Румыния вместе с Болгарией и Венгрией входила в состав Южного театра военных действий, который рассматривался Москвой как стратегически второстепенный. Советские войска численностью 65 тысяч солдат и офицеров постоянно находились там исключительно в Венгрии. Совершенно по-другому СССР относился к так называемому Западному театру военных действий, включавшему в себя Польшу вместе с ГДР и Чехословакией. О военном значении этого региона свидетельствовала концентрация советских гарнизонов. В ГДР было расквартировано 380 тыс. солдат и офицеров, в Польше и в Чехословакии — соответственно 40 и 80 тысяч (данные относятся к середине 80 х).

— В монографии *«The Warsaw Pact: the Question of Cohesion»* («Варшавский пакт: проблема сплоченности»), над которой вы совместно с Кристофером Джонсом в качестве редактора и соавтора работали в 1984–1986 гг., вы не имели возможности обосновать большинство выводов, опираясь на документальные источники. Вы были вынуждены ссылаться на сообщения в прессе и в официальных публикациях Организации Варшавского договора. Ожидаете ли вы сегодня каких-либо сенсационных открытий?

— Я лично считаю, что не следует ожидать никаких крупных сенсаций, которые могли бы соперничать с тем, что рассекретил министр обороны Сикорский (так называемый «план военных действий»). Скорее нас ждет разочарование, подобное тому, которое сопутствовало открытию архивов ЦК

ПОРП. Проблема состоит в том, что целый ряд решений принимался без фиксирования их на бумаге. Варшавский договор в этом отношении не был исключением. Поэтому чрезвычайно важным будет расширение наших знаний об отношениях внутри Варшавского договора с помощью индивидуальных бесед с персоналом среднего уровня.

В монографии, которую я готовила совместно с Джонсом, работа исследователя фактически сводилась к расшифровке головоломок. Ключевое значение имели несущественные на первый взгляд детали, которые в конечном итоге складывались в единое целое, дающее более точную картину действительности. Например, тот факт, что командование было сосредоточено исключительно в руках советских военных, нам удалось установить на основе отрывочных сведений и анализа инструментов командования — таких, как координация, управление, связь и разведка («ССС & I»). Для многих исследователей не было тайной, что Объединенное командование Варшавского договора выполняло исключительно административные функции, но это было трудно подтвердить на основе источников. Аналитики, которые, как и мы, занимались этим вопросом, в частности, Джон Эриксон и Малколм Макинтош, советник Маргарет Тэтчер по военным вопросам, считали, что в случае вооруженного конфликта оперативное управление объединенными армиями Варшавского договора будет осуществляться советским Генеральным штабом, так как формальное командование Варшавского пакта не располагало ни одним из вышеупомянутых инструментов. Быть может, теперь удастся подтвердить это утверждение документами, а также окончательно подтвердить фрагментарные сведения, содержащиеся в свидетельствах, оставленных генералом Тадеушем Пюро (в книге «Безупречная армия») и полковником Рышардом Куклинским. Генерал Пюро, который был представителем Польши на раннем этапе существования Варшавского договора, утверждал, что представители государств-сателлитов никогда не участвовали в процессе принятия решений и «просто производили хорошее впечатление». В свою очередь полковник Куклинский, заместитель начальника оперативного управления Генштаба Войска Польского и одновременно начальник его отдела оборонно-стратегического планирования, рассказал после своего побега из Польши, что принятый в 1980 году новый устав объединенных армий предусматривал, что право государств-сателлитов объявлять войну будет делегировано Верховному командованию Советской Армии^[1].

— Монументальное исследование о Варшавском договоре было предпринято по поручению канадского министерства обороны. Оно заняло четыре тома, из которых два первых были посвящены проблеме сплоченности войск и анализу отношений между армиями стран-участниц, а также организационной структуре Варшавского договора. В двух остальных обсуждалось военно-политическое положение государств-участников в контексте их участия в союзническом пакте. Прежде чем вы приступили к работе над монографией о Варшавском договоре, вы были известны среди советологов как эксперт в области национальных проблем в СССР. Ваша книга об этническом положении в Таджикистане («Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan», 1970) до сих пор считается одним из самых выдающихся исследований в области межнациональных отношений. Почему вы обратились к военной проблематике?

— Издание этой монографии было в определенном смысле результатом случайности. Инициатором исследовательского проекта был офицер канадской армии и сотрудник военной разведки Джордж Камофф-Никольский, родом из русской «белой» эмиграции. Этот необычайно умный и образованный человек был направлен в Карлтонский университет, где я тогда преподавала, для сбора исследовательской информации в библиографических источниках, архивах и т.п. Никольский заинтересовался проблематикой межнациональных отношений и моими работами на эту тему, после чего обратился ко мне. «Существует целый ряд работ на тему Варшавского договора, в которых анализируется его вооружение, численность вооруженных сил, технологии, администрация, — сказал он. — Но нет ни одной работы, в которой бы анализировалось то, что творится в головах всех этих людей, проходящих воинскую службу в вооруженных силах Варшавского договора». И спросил, не интересует ли меня подобное исследование. Я согласилась, потому что осознавала, что советская армия, как и вооруженные силы стран-сателлитов, строилась на основе всеобщей воинской повинности. Это означало, что все призывники думают примерно так же, как остальные люди из их деревни, города, региона, союзной республики или государства. В силу этого такое исследование выходило бы за рамки работы из области военного дела. Я подготовила предварительную экспертизу и решила, что на этом моя роль закончена. Однако дело повернулось иначе. Текст был представлен Никольским в канадское министерство национальной обороны и вызвал там нешуточное замешательство. Несмотря на первоначальные оговорки военных, которые считали, что анализ в соответствии с предложенным мной подходом может

поставить под вопрос представление об огромной военной мощи СССР, которую было необходимо «уравновешивать» и «сдерживать» (за счет высоких финансовых отчислений из бюджета), мне было поручено подобрать группу научных сотрудников и попытаться углубить проблематику, обозначенную в исходном проекте. Моим основным сотрудником был Кристофер Джонс, который первым на Западе занялся проблемой отсутствия сплоченности в оборонной системе Варшавского договора. В то время как я анализировала политические и национально-социальные вопросы, Джонс сосредоточился на чисто военных проблемах, которые я знала хуже.

— Ваш анализ не ограничился лишь военными и политическими аспектами. Были детально рассмотрены мероприятия, направленные на упрочнение хозяйственной интеграции в рамках СЭВ и даже в сфере культуры...

— Исходным тезисом исследования был следующий: несмотря на все несовершенства во внедрении интеграционной программы, модель подчинения Москве, вытекающая из этой программы, неизменно остается той же самой во всех сферах политического, военного и экономического сотрудничества. В соответствии с этим исходным положением, механизмы, которые имели целью повышение военной сплоченности Варшавского договора, следует рассматривать в более широком контексте как один из факторов, способствующий многоуровневой интеграции государств-сателлитов с СССР. Очевидно, что этот процесс не имел ничего общего с интеграцией в ее западном варианте. Дело в том, что здесь речь шла исключительно об интенсификации двусторонних контактов, связывающих метрополию с государствами-сателлитами, причем таким образом, чтобы эти государства осуществляли государственные интересы СССР, а не свои собственные. В первой части исследования, на которой, кстати, основывалась обширная рецензия, опубликованная в 1991 г. министерством национальной обороны, проблема решалась в чисто теоретическом аспекте. Я стремилась показать, что, начиная с эпохи Брежнева, отношения между Москвой и государствами Центральной Европы, формировались в соответствии с образцами, выработанными на основе внутрисоветского опыта, т.е. по примеру отношений Москвы с союзными республиками. Я уже раньше опубликовала в журнале «Сервей» статью на эту тему, где обращала внимание на то, что в советской партийной печати очень часто можно найти доказательства, что Москва проводит знак равенства между межнациональными отношениями в СССР и

отношениями между государствами социалистического лагеря. Кроме того, я обратила внимание на тревожную интенсификацию действий, направленных на создание густой «паутины» связей между отдельными партийными организациями, хозяйствующими субъектами и администрацией в СССР, с одной стороны, с соответствующими им учреждениями и организациями в отдельных странах Центральной Европы (в особенности это касалось ГДР и Польши). В соответствии с планами Кремля, это должно было привести к более тесной связанности последних с Советским Союзом.

— Что было для вас и ваших коллег основным аргументом в пользу признания Варшавского договора ключевой осью интеграции в рамках коммунистического лагеря?

— Организация Варшавского договора была лишь одной из составных частей сложной сети взаимосвязей, существовавших между социалистическими государствами и Москвой. Но в то же время это был участок, которому Москва придавала наибольшее значение, справедливо усматривая в нем самый эффективный способ удержать в повиновении государства Центральной и Восточной Европы. Стоит напомнить, что идея использования военного союза как инструмента политической интеграции (в экономической сфере сотрудничество было организовано по линии СЭВ) внедрялась в жизнь со времен Брежнева вплоть до последних дней существования СССР. Если вначале, еще при Хрущеве, в этом договоре упор делался прежде всего на его чисто военную сторону, так как политическое единство обеспечивал подчиненный Москве партийный аппарат каждой отдельной страны, то в 70–80-е годы именно Варшавский договор, а также органы госбезопасности каждой страны, курируемые КГБ, позволяли Москве контролировать так называемую «внешнюю империю». Техническая модернизация, проведенная в 70-е годы, после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию, открыла путь к еще большей «функциональной сплоченности». Ее целью было достичь дисциплины, подчинения приказам и высокой оперативности армий Варшавского договора — независимо от поведения отдельных воинских частей и даже соединений.

То, что произошло в Польше в декабре 1981 г., явно свидетельствовало, что «функциональная сплоченность» оправдала себя. Действительно, под пристальным советским надзором вооруженные силы в странах-сателлитах достигли способности провести интервенцию в своих собственных

странах («self-intervention»). Что же касается «сплоченности на уровне сознательности (общей этики)», которую планировалось достичь путем введения общей шкалы ценностей и связанного с ней поведения, то это сталкивалось с большим сопротивлением ввиду прочно сформированного национального чувства в странах Центральной Европы и иных образцов в области политической культуры.

— В монографии о Варшавском пакте вы выдвигаете тезис, что Москва использовала решения, опробованные внутри СССР, для урегулирования своих отношений со странами-сателлитами. Трудно отделаться от ощущения, что легче всего им удалось перенести на чужую почву свою подозрительность по отношению к нерусским...

— Недоверие действительно было движущей силой многих действий Москвы. Например, проникновение в силовые органы принуждения в каждом из государств-сателлитов рассматривалось как необходимое условие успешного достижения военно-политической сплоченности. Органы госбезопасности были прочно объединены со структурами КГБ, служа фактором сдерживания и подавления любых отступлений от нормы в государствах-сателлитах. Одновременно они использовались как альтернативная сеть связи и кризисного управления в обстоятельствах, когда требовалось «обойти» коммунистический аппарат в данном государстве в целях сохранения советских интересов.

В этой связи стоит также напомнить, что в рамках планов территориальной обороны каждого из государств-сателлитов наряду с силами госбезопасности существовали самого различного рода вооруженные формирования, предназначенные для охраны тыла, надзора за гражданским населением и противодействия актам саботажа. В таких странах, как ГДР, Польша, Болгария, численность военизированных частей (включая службы безопасности) превышала численность регулярной армии. В ГДР на 172 тысячную армию приходилось 185 тыс. милиционеров, пограничников и сотрудников госбезопасности «Штази». В Польше это соотношение составляло 406 тыс. человек к 465 тысячам. В Болгарии, на территории которой не было советских войск, на 158 тыс. армейских солдат и офицеров приходилось 172,5 тыс. представителей сил охраны порядка и других силовых структур (цифры за 1985–1986 гг., на основе данных ежегодника «Military Balance», издающегося Международным институтом стратегических исследований). В остальных странах военизированные части — как правило,

лучше оснащенные и подготовленные, чем регулярная армия, — были столь же или менее многочисленны, чем вооруженные силы. Интересно, что, сравнивая численность армии с численностью спецслужб и военизированных частей в данной стране, можно обнаружить интересную корреляцию, которую в монографии о Варшавском договоре мы назвали «the ratio of distrust» — «коэффициентом уровня недоверия». Численное преимущество военизированных частей было отчетливо заметно в тех странах, которым Москва по тем или иным причинам не доверяла. Меньше всего она доверяла ГДР (вопреки тому, что было принято думать на Западе) и, разумеется, Польше.

Наличие военизированных частей, контролируемых органами госбезопасности, при одновременном размещении на территории страны советских гарнизонов, априори исключали возможность проведения самостоятельной, независимой военной операции в странах-сателлитах. Вооруженные силы отдельных стран были сплочены с советской армией, но не представляли собой отдельных, автономных армий. Дело в том, что в этих странах существовало четкое разделение на так называемые «части особого назначения» и регулярные воинские части, комплектуемые призывниками, причем последние характеризовались довольно низкой боевой ценностью. По оценкам британского Института стратегических исследований (Institute of Strategic Studies), это были формирования третьей степени значения. Они использовались в основном на строительно-ремонтных и полевых работах. Поэтому в своих военных планах советская сторона опиралась исключительно на собственные войсковые группировки, расположенные в Центральной Европе, а также на части особого назначения, которые были выведены из-под юрисдикции главнокомандования данной страны и подчинялись исключительно командующим войсками Варшавского договора. В случае войны части особого назначения должны были включаться в советскую систему дислокации войск. Они формировали бы оперативные армии, расположенные между советскими формированиями такой же численности (по принципу «сэндвича»). Части особого назначения были хорошо оснащены и обучены. Они должны были быть полностью совместимы с советской армией, поэтому при подборе офицерских кадров для этих формирований командование руководствовалось такими критериями, как лояльность и уровень самоотождествления с советской культурой. Впрочем, так же обстояло дело и в СССР, откуда был перенят этот принцип. В отборных воинских частях преобладали этнические русские, а в войсках, расположенных

за пределами СССР, могли оказаться только политически надежные солдаты и офицеры. У евреев и прибалтов не было никаких шансов дойти до высших должностей в армии. Мусульмане с Кавказа и из Средней Азии набирались почти исключительно в так называемые стройбаты.

Нельзя также забывать, что языком командования в Варшавском договоре был русский. Перечни и списки составлялись в алфавитном порядке русского языка. Вся техническая документация была составлена по-русски. Интеграция в рамках Варшавского договора требовала, чтобы высшие офицеры в совершенстве знали русский язык и русскую культуру. Разумеется, в странах-сателлитах допускалось использование особого национального церемониала и военной символики, а также обращение к памяти собственных, местных героев и образцов. Но это был лишь поверхностный камуфляж, неумело скрывающий советскую модель вооруженных сил. На Западе никогда не понимали, что первоочередной задачей армии в коммунистических странах была охрана политической системы, а не защита независимости государства.

— Принцип отбора по национальности применялся в советской армии чрезвычайно последовательно. А использовался ли этот принцип в Организации Варшавского договора?

— Исследования этнического состава офицерских кадров недвусмысленно подтвердили наш тезис о дискриминации нерусских в Советской Армии. Крис Джонс показал, что в масштабах СССР самый крупный вклад в победу во II Мировой войне внесли кавказские и среднеазиатские народы. Я лично сомневаюсь, оставили ли им иной выбор. Работая в 50-е годы над книгой о Таджикистане, я внезапно с изумлением обнаружила, что сразу после войны число членов ВЛКСМ в этой республике резко уменьшилось. Причиной была война и тот факт, что молодых людей направляли обычно на передовую. И все же тема отношения власти к этническим меньшинствам во время Отечественной войны нуждается в отдельном рассмотрении.

Если же речь идет о Варшавском договоре и государствах-сателлитах, то занять высокую должность в армии могли только те офицеры, которые закончили Военную академию им. Ворошилова или иное специализированное советское высшее военное училище. Мне говорили, что представители стран Центральной Европы обучались отдельно. Я в этом не уверена и не скрываю, что очень хотела бы узнать, в какой степени обучение координировалось совместно советским и

восточноевропейским руководством, а в каком — происходило отдельно. Уровень обучения, по всей вероятности, зависел от численности вооруженных сил, к которым относился конкретный офицер. Польша была, как представляется, единственной страной, помимо России, которая теоретически могла располагать несколькими войсковыми армиями. В связи с этим поляки допускались к подготовке в Генштабе в области управления армиями. Представители более малочисленных вооруженных сил не имели доступа к подобного типа подготовке.

— Картина, которую вы рисуете, не настраивает на оптимистический лад. Слабые оперативные возможности, второстепенная роль в рамках Варшавского договора, высшие офицерские кадры, эмоционально и интеллектуально более связанные с СССР, нежели с Польшей. Даже трудно поверить, что польские вооруженные силы пользовались таким высоким общественным доверием в Польше 80-х годов.

— Для меня лично это загадка. Я была действительно изумлена, когда при проведении систематических исследований для раздела монографии, посвященного Польше, я все время отмечала высокий уровень доверия к армии. Я уже не помню в точности, как выглядел общий рейтинг, но армия неизменно занимала одно из самых высоких мест — сразу же после Богоматери и Папы Римского. «Да просто оттого, что это ведь наши ребята», — как выразился один из респондентов... Причины этого, вероятно, следует усматривать в этике польской армии, которую ценят не только за победы, но и за поражения. Генерал Ярузельский использовал это общественное доверие — а вернее, злоупотребил им — ради сохранения контроля компартии над Польшей. Если говорить о строгих исторических фактах, то военное положение в Польше было своего рода «исключением из правил». Армия в социалистических странах всегда была подчинена партии и выполняла ее распоряжения, а в данном случае армия спасла партию. Если бы не было военного положения, само существование компартии в Польше оказалось бы под угрозой. Разумеется, в конечном итоге это партию все равно не спасло, но факт остается фактом: действия генерала Ярузельского были продиктованы государственными соображениями СССР, а не политическими интересами Польши. Если вспомнить, что Войцех Ярузельский был типичным продуктом советской военной номенклатуры, то это не должно никого удивлять.

Когда я работала над разделом, посвященным Польше, меня все время мучил вопрос, был ли хоть какой-нибудь шанс достичь

сплоченности польской армии и подчинить ее единому польскому командованию («координация, управление, связь и разведка»), если бы генерал Ярузельский все-таки принял решение противостоять СССР в 1981 году? Мне кажется, что это было бы чрезвычайно трудно, так как система обучения в польской армии носила не оборонный, а наступательный характер («offensive warfare»). Хотя Польша и не находилась на основном фронте потенциальных военных действий, перед ней стояли определенные задачи на северном участке театра военных действий. В связи с этим Войско Польское не прошло обучения в области территориальной обороны страны и потому, вероятно, не было бы способно противостоять советской армии. И все же — если сравнить поведение генерала Ярузельского с поведением нескольких генералов, которые в 1956 г. решили поддержать Гомулку несмотря на угрозу вторжения, можно отчетливо увидеть, каковы были практические результаты политики повышения «функциональной сплоченности», а также «сплоченности на уровне сознательности», которая проводилась в период правления Брежнева... В 1956 г. польские вооруженные силы были насквозь пронизаны сетью советских офицеров. А генерал Ярузельский в 1981 г. располагал значительно более широким полем для маневра уже хотя бы по той причине, что польская армия не контролировалась непосредственно Москвой, а Кремль не хотел прямо вмешиваться в события в Польше.

— В 1990 г., когда коммунистический режим рухнул, вы опубликовали статью о Варшавском договоре, которую закончили несколькими вопросами: удастся ли советскому руководству сохранить прежнюю оборонительную систему? Окажется ли эта система эффективной в условиях кризиса? Какой армией будет располагать Советский Союз в 2000 году? И будет ли это все еще «советская» армия? Сегодня, почти через 20 лет после расформирования Варшавского договора, мы уже знаем ответ на все эти вопросы. Так что стоит ли открывать архивы и вновь заниматься Организацией Варшавского договора?

— Я считаю, что углубленный анализ системы, сущность которой сводилась к подчинению всей территории Центральной Европы интересам Москвы, может по-прежнему быть полезен и необходим. Во-первых, потому что поляки и другие народы этого региона не до конца осознают, до какой степени их страны рассматривались Москвой как часть империи. Подлинной целью СССР было постепенное поглощение стран Центральной Европы и их слияние с советским миром. А во-вторых, пример Варшавского договора показывает, что в условиях вынужденного подчинения

единственным видом сплоченности может быть только «функциональная сплоченность», но сплоченность в сфере этических понятий и принципов никогда не будет достигнута. Чтобы выдержать испытание временем, любая коалиция должна опираться на добровольное желание участвовать в ней. Попытки создать ее «под давлением» не приносят никаких результатов. Любые действия, направленные на то, чтобы принудить данную страну реализовать программу, не учитывающую местной специфики — так, как это сейчас делают США в отношении Ирака, — обречены на провал. И это важнейший урок, который можно извлечь из анализа истории развития и развала Варшавского договора.

Беседу вел Мариуш Сельский

Тем не менее сенсационные открытия не заставили себя ждать. В конце января 2007 г. среди рассекреченных документов Варшавского договора была обнаружена папка, относящаяся к операции «Висла». Оказалось, что на территории ПНР располагалось около 180 ядерных зарядов (в то числе 14 по 0,5 мегатонн) — в случае войны они подлежали передаче Войску Польскому, которое и должно было нанести ими удар по Западной Европе. Дело в том, что проведенные в 1965 г. учения по транспортировке ядерного оружия в западную Польшу в условиях войны закончились провалом. Сроки доставки не соблюдались, а сами ракеты оказались слишком легкой целью для противника. В условиях доктрины Варшавского договора, предусматривающей вторжение в Западную Европу, единственным выходом оставалось соорудить в Польше склады ядерных бомб и боеголовок и передать их в случае войны польским частям. В 1967 г. был подписан соответствующий двусторонний военный договор. Склады с ядерным оружием охранял советский «спецназ». Помимо прочего, среди рассекреченных документов был обнаружен также документ на русском языке («совершенно секретный», как и все остальные), озаглавленный «Схема доведения до В[ойска] П[ольского] приказов выдачи ядерных боеприпасов, разблокировки и применения ядерного оружия». Сохранились также полномочия на имя польских офицеров и список 12 высших военных чинов, допущенных к этой тайне. Было ясно, что НАТО ответит контрударом. Штабисты Варшавского договора исходили из того, что он уничтожит до 53% войск СССР и его союзников. — Ред.

Проф. Тереса Раковская-Хармстоун — политолог, специалист в области внутренней и внешней политики стран бывшего советского блока, профессор Карлтонского университета в Оттаве (Канада), директор Института исследований СССР и Восточной Европы Карлтонского университета (1972-1974), преподаватель Военно-морской академии США в Аннаполисе (1989-1990), научный сотрудник Гарвардского центра исследований России, автор многочисленных статей и монографий, посвященных международным отношениям в СССР, новейшей истории стран Центральной и Восточной Европы, а также стран бывшего СССР. В 1984-1986 гг. была редактором и соавтором изданной в Оттаве трехтомной монографии, посвященной политической и военной интеграции стран Варшавского договора.

1.

ЛЯЛЯ

После Киева, после Мнина, незаметно уплывшего из рук, после Моравицы, которую пришлось покинуть из-за бабушкиных истерик, Брокли осели в Лисове, сущем, чего уж тут скрывать, захолустье. Но бабушка Ванда, в глубине души считавшая своего мужа графом де Брогли, решила воскресить в Лисове бывшее великолепие и посчитала делом чести устроить прием, достойный графского рода.

Она ходила по поместью — будто там было где ходить — с сознанием своей миссии в глазах, присматривала за тем, как драили серебро и протирали стеклянные рюмки, контролировала девушек, которые чистили миндаль и резали финики, помещивала в кастрюлях, пробовала блюда, ломала голову над тем, как рассадить гостей, составляла букеты, двоилась, троилась и девятилась, как и пристало урожденной Девяткевич. А дедушка — ну что дедушка, он выходил в сад, глубоко дышал, разглядывал цветущие деревья и темные круги высокой травы.

— ...не знаю, знаешь ли ты, но наш конь, Кубусь, был просто исключительный, подозреваю, его продал какой-нибудь цирк, потому что он обожал ходить по кругу и выделывать разные штучки, навозные яблоки, во всяком случае, откладывал по кругу, или, вернее, по спирали: начинал где-то посередине газона, и дальше, кучку за кучкой, постепенно описывая все более широкие круги, пока, сочтя наконец, что дело сделано, не перемещался в другое место, а старое зарастало травой, более высокой и темной, чем вокруг... кстати, в сад он заходил, когда ему вздумается, к отчаянию бабушки; вроде бы калитка заперта, но для Кубуса это была не помеха: вначале он подходил к дедушке сбоку, мордой деликатно его отстранял и шел дальше. Потом научился открывать задвижку зубами или губами... ну, неважно.

Дедушка стоял в саду, дышал воздухом, кормил коня кусочками сахара и смиренно соглашался с Вандочкой, которая поминутно подбегала к нему и жаловалась на отсутствие необходимых вещей, например гонга, чтобы созвать гостей из сада в дом, или достаточного количества украшенных монограммами колец для салфеток.

Наконец наступил долгожданный день. Гости съезжались отовсюду в бричках и открытых колясках, кланялись и здоровались, хвалили мастерство хозяйки дома, восхищались цветами, выслушивали рассказы об оранжерее в Моравице и о том, как господину президенту Мостицкому не понравились моравицкие дыни, и так далее, и так далее. Прогуливались по саду, обменивались комплиментами, восторгались кустами роз и флоксов... было парно и душно, собиралась гроза, господа под своими летними костюмами обливались потом, воротнички сорочек впивались в шею, дамы обмахивались платочками и загораживались от палящего солнца зонтиками либо усаживались в тени на стульях, услужливо принесенных мужьями. Наконец в окне появилась прислуга, которой велено было три раза ударить в гонг и пригласить господ к ужину. Появилась, ударила трижды и рявкнула: «Эй вы, идите жрать, подано уже».

Бабушка Ванда напряглась, но уже секунду спустя, как ни в чем ни бывало, расплывшись в улыбке, повела гостей вдоль шпалеры жасмина и вступила вместе с ними во врата прибранного, вычищенного, выскобленного, навощенного, до блеска натертого, украшенного цветами дома. На небе сверкнуло, прогремел гром, словно высшая сила милостиво повторила неудачный призыв гонга, а дамы и господа поспешили зайти внутрь и проследовали по коридору в салон, где стоял стол. Стол — по крайней мере так казалось Вандочке — уже с порога ослеплял сверканием серебра и бликами на краях бокалов, пах сиренью и лилиями, ломился от яств — даже тех, что еще не были внесены, — словом, являл собою истинный шедевр.

И когда все уселись за этот шедевр, когда все этим шедевром восхитились, когда умолкли на краткий миг перед тем, как взять в руки нож и вилку и отведать первое блюдо, комнату озарила вспышка — и в окно, еще не закрытое прислугой, влетела шаровая молния, электрический шар размером с голову ягненка. Шар облетел стол, кувыркаясь, перепрыгивая приборы, и затем вылетел в каминную трубу столь же стремительно, как ворвался, оставив за собой онемевших гостей, погнутые вилки и ложки, закопченные рюмки и длинную черную полосу, выжженную в скатерти и столе.

В оливских шкафах, перевозившихся из Лисова в Седльце, из Седльце в Белосток, из Белостока в Оливу, еще влачат жалкое существование остатки искореженных молнией столовых приборов с переплетенными буквами ВЛБ. После того душного, предвещающего грозу вечера через Центральную Европу

пролетело столько шаровых молний, что от вышеупомянутого дня не осталось ничего, кроме кусочков металла и глубокой уверенности, что прием не удался и гости разъехались по домам раньше, чем это было предусмотрено.

Иногда, когда я глядел на свой холодный северный город с высоты одного из холмов, которые начинаются сразу за бабушкиным садом, мне казалось, что и он закоптился по краям, что и в нем из-под польской штукатурки и краски несет горелым. И тогда мне вспоминалась невинность молнии.

В нашем роду женщины были гордые, упрямые и сильные — бабушка Ванда им ни в чем не уступала. Потому и неудивительно, что после первой неудачной попытки она предприняла вторую, и уже спустя год в Лисове был устроен очередной шикарный прием. Бабушка опять бегала по дому, дедушка опять дышал воздухом в саду, бабушка опять строила планы и докупала недостающее — гонг, правда, остался, но понадобились новые парадные столовые приборы, — дедушка опять давал деньги и разглядывал цветущий жасмин.

Наконец наступил тот достопамятный день. Погода была ясная, воздух свеж и прозрачен, и ничто не предвещало очередной грозы — гости прохаживались по саду, овеваемые полуденным ветерком, радуясь солнцу и шелесту листвы. Стол был накрыт с таким же изумительным мастерством — по меркам польской провинции, разумеется, — как и год назад. Серебро, бокалы, букеты в жардиньерках, салфетки, свечи и карточки с фамилиями, в идеальном порядке, ослепительно прекрасные, ждали дам и господ. Та же особа появилась в окне и молча троекратно ударила в гонг — бабушка решила, что и так все безошибочно воспримут это как приглашение к обеду и незачем заставлять гостей выслушивать языковые перлы прислуги.

Стоя на пороге дома, Ванда Брокль подавала руку для поцелуя господам и слегка кланялась дамам, приглашая всех в дом. А когда все уже вошли, закрыла дверь и по длинному коридору прошествовала в салон.

Стола как не бывало. Вместо него среди груды цветов, яств, мятых скатертей и осколков стекла стояла большая корова, меланхолично поедающая изысканные закуски. Рядом резвилась в окружении всего этого добра свиноматка с тремя поросятами. Конь, неосмотрительно — с лошадьми такое бывает — оставивший открытой садовую калитку, через которую и проник весь этот хамский сброд, горделиво расхаживал по саду, не удостоивая дом даже взглядом.

Гости, онемев, застыли у стен. Дамы лихорадочно обмахивались веерами, господа неуверенно подкручивали усы. Всех попросили в сад, куда были спешно поданы блюда, которые еще не успели поставить на стол в салоне, но которые — надо признаться — немного остыли, пока прислуга гонялась по комнатам за поросятами.

Это был, как нетрудно догадаться, последний прием бабушки Ванды. С тех пор она отдавала предпочтение камерным чаепитиям в узком кругу.

Все это, включая молнии и валяющуюся в салатах домашнюю скотину, возможно, выглядит весьма идиллически, но окрестности Кельце в те времена никак нельзя было назвать безопасными.

На Пасху и Новый год принято стрелять в воздух, поскольку мир только еще возрождается, молод и слаб, еще не сбросил старую шкуру и демонам ничего не стоит в него проникнуть. Подобное происходило и с юной Польшей, на которую с одной стороны наступали большевики, с другой — западноевропейские концерны, а с третьей — Бык со своей бандой.

Бык со своими людьми разбойничал в окрестностях, и то был отнюдь не невинный разбой в рамках лисовской воровской традиции, каковым можно считать кражу коровы или разгром сельской лавочки, а демонстрация солидного, жестокого бандитского ремесла. Неудивительно, что когда Валерьян приезжал из Кельце, из квартирки госпожи Вольгемут, к жене и ее родителям, он шел посреди дороги, держа в обеих руках по пистолету, точь-в-точь как Джон Уэйн.

И тут хотелось бы рассказать про Быка и его банду, но этого нельзя сделать, не рассказав вначале про Рыжего Хенека, Быка нашего времени.

У бабушки, большой любительницы цветов, мастерицы составлять букеты и так планировать сад, чтобы желтая форсиция цвела рядом с белой алычой, а исчерченные синими и розовыми штрихами американские ирисы (именуемые пижамами) были окружены купами более темных сибирских ирисов, много лет имелся не только сад перед домом, но еще и так называемый «садово-огородный участок Государственного лесного хозяйства». Приносивший, надо заметить, ей много хлопот, поскольку правление требовало выращивать (и потом сдавать) определенное количество овощей и зелени, а бабушка сажала исключительно золотую мелиссу, купальницу, астры и

шпорник; хуже того, она позволяла себе и другие вольности: например, не мотыжила, как положено, каждый свободный клочок земли между петрушкой и салатом, что делали другие владельцы участков, а давала спокойно расти траве между рододендронами и таволгой. В конце концов обе стороны пошли на компромисс, и бабушка обсадила края клумб щавелем — будто это был самшит, — а роль живой изгороди у нее играли кусты смородины. С весны до осени она полола, подрезала, поливала и унавоживала, в чем ей, по мере возможности, помогал дедушка; поливать и удобрять она ему позволяла с учетом его способностей, о которых была, мягко говоря, не слишком высокого мнения.

— Зигмусь? Зигмусь для этого не годится. Я ему говорю: «Зигмунт, вырви вон там сныть, только смотри, не повреди барбариса». А он показывает мне — вот так, с торжеством, — вырванный барбарис и говорит: «Надеюсь, ты не скажешь, что это барбарис?»»

После смерти дедушки бабушка продолжала ходить на участок, но сердце ее уже совсем никуда не годилось, и сил, чтобы вскопать грядку или прополоть пионы, оставалось все меньше. Да, она прохаживалась между клумбами и срезала цветы для букетов: высокий шпорник, аконит, экстрактом из листьев которого — как она мне рассказывала — отравили Сократа; серебристую лапчатку со стеблями, будто покрытыми тонким белым войлоком; жасмин, от которого болит голова, если оставить его на ночь в спальне, и еще много-много других цветов. Но чтобы все это проросло из земли, выбрасывало зеленые листья, выпускало почки, цвело и давало семена — поочередно, одно за другим, начиная от подснежников, за которыми шли нарциссы, тюльпаны, ирисы, пионы, шпорник, настурции, и вплоть до зимовника, чтобы все это не погибло, нужно было нанять кого-нибудь в помощь.

И так к нам попал пан Октавиан, сожитель (бабушка иногда говорила «морганатический супруг») пани Влади.

Пан Октавиан приходил, брал лопату и говорил: «Тут, етить, надо вскопать, етить, не то, етить, перед зимой не вскопаешь, ну, это, етить». Получал он сколько сговорились, по часам, и вдобавок, после целого дня тяжких трудов, рюмку виньяка. («Мама, — говорила моя благоразумная мать, — ну правда незачем угощать пана Октавиана хорошим коньяком, который мы специально покупаем на случай, если у тебя прихватит сердце. Я купила виньяк, пан Октавиан все равно не разберется».) Параллельно к нам приходила пани Владя («ума палата»), которая каждый день, или, может, через день

приносила хорошее деревенское молоко с оливского рынка и иногда оставляла, пряча от Октавиана, водку, а при случае пользовалась возможностью посплетничать, если бабушка давала ей слово.

Олива все еще была — и сейчас остается — районом, где бок о бок сосуществуют два разных мира. С одной стороны, там можно встретить очаровательных пожилых дам, «дам до мозга костей», как сказала бы бабушка, элегантных старичков и студентов, пытающихся производить впечатление исполненных достоинства молодых интеллектуалов (что бы это ни означало). С другой стороны, можно получить по голове камнем или висячим замком, понаблюдать за пьянчугами в круглосуточном буфете под каштаном либо послушать доносящиеся из притона крики. Когда-то этот, второй, мир в Оливе преобладал, и бабушку спрашивали на работе: «Ты живешь в Оливе? А что там у тебя, Хелена, публичный дом или притон?» «И притон, и публичный дом», — отвечала бабушка — да и что еще она могла ответить?

Другое дело, что в те времена у местных хулиганов и бандитов был свой кодекс чести, свои законы и свой главарь; еще лет пятнадцать назад, после смерти дедушки, один такой колоритный местный пахан (шляпка, пальтецо, разбухший нос и свернутая челюсть) подошел к бабушке на улице, встал навтыжку, поклонился и сказал: «Мы слышали про вашу беду, примите наши соболезнования».

И вот об этих-то людях пани Владя была наилучшим образом осведомлена: от нее мы узнавали обо всех романах, пьянках, кровавых драках и прочих безобразиях. А как-то нам даже довелось услышать поистине потрясающий психологический рассказ (с продолжениями, каждые два дня, с бутылкой молока) о пане Грушкевиче, приятеле Октавиана, который решил допить до смерти, потому что никто его не любит.

— Чего удивляться, — говорила пани Владя, и ее торчащие вперед зубы двигались в такт словам, как две шеренги пожолкнувших балерин в «Лебедином озере», — дети разъехались, жена умерла, человек, как говорится, один как перст, несчастный. Вдобавок без ноги. Сказал моему Октавиану: «Вот деньги, хватит и на водку, и на похороны. Я буду пить, а ты мне приноси водку, пока не помру».

Каждый второй день мы выслушивали эти мрачные донесения: «Грушкевич уже неделю пьет», «Грушкевич не встает», «Грушкевич бредит». И наконец: «Грушкевич помер».

Грушкевич помер, но и пан Октавиан чувствовал себя не ахти как: видимо, кое-что от Грушкевича утаивал, а может, перепил на поминках; так или иначе однажды, неся нам молоко, он споткнулся на крылечке перед домом и сломал ногу. А поскольку был уже в годах, да и алкоголя в тканях у него скопилось немало, кость никак не желала срастаться, а участок между тем неумолимо зарастал бурьяном.

И тогда-то на горизонте появился Рыжий Хенек. А точнее: появился снова.

— Ищете человека грядки копать? — пани Хибнер приостановилась на краю тротуара, качая седенькой головой. — Рыжий Хенек как раз вышел из тюрьмы. Жена выгнала его из дома, мыкается, бедняга. Спать ему негде. Наверно, охотно бы поработал, особенно если б смог прожить лето в домике, пока чего-нибудь себе не подыщет.

Пани Хибнер, которая с ранней молодости до восьмидесяти лет работала фельдшерицей, а последние тридцать лет ставила банки и делала уколы всей нашей семье, будучи особой в высшей степени порядочной, искренне полагала, что каждый, кто не имеет чем заняться, очень от этого страдает.

— Что ж, — сказала бабушка, — попробуем. Будьте любезны, пришлите его ко мне, когда увидите.

Моя разумная мать не пришла в восторг от этой идеи.

— Мама, — возразила она, — я не уверена, что Рыжий Хенек — подходящая персона. Неизвестно, что ему взбредет в голову, как бы ты от него не нахлебалась...

— Я? От Рыжего Хенека? Нахлебалась? — недоверчиво переспросила бабушка. — Да я Рыжего Хенека знаю, когда он вот такусенький был, — она махнула рукой в воздухе где-то на уровне бедра, — с пяти лет. Как-то, помню, возвращаюсь я с радио по Кветной, нет, по Личманского, под горку, вижу: мальчик плачет. Подходит и: бу-у-у, дайте два злотых, бу-у-у, папа меня выдерет, бу-у-у, он дал два злотых купить братику соску, бууу, а я потерял. Прихожу домой, Павел уже вернулся из школы, я ему рассказываю, а он в смех: как это я позволила облапошить себя Рыжему Хенеку, талантливому пятилетнему сорванцу с Личманского. Ну и ну, подумала я, однако еще не вечер. Через неделю снова возвращаюсь с радио, подходит мальчик: бу-у-у, дайте два злотых, бу-у-у, и так далее. Я наклонилась, посмотрела ему в глаза и сказала: «Ты знаешь, кто я такая? Я, — тут бабушка заговорила тоном заклинателя духов,

— мама Павла». А Павла мальчишки страшно уважали, потому что он здорово умел драться. Таким авторитетом пользовался, что ого-го. Рыжий Хенек на это сходу: «Ну?у?у... сразу надо было так». Но два злотых не отдал.

Потом Рыжий Хенек много раз появлялся в бабушкиной жизни при разных обстоятельствах. То принесет краденый фикус, то спасет Павла от хулиганов, которые обвинили его в том, что он на них напал и пса науськивал. «Напал? — спросил Хенек. — Напал? Да это пес поводок перегрыз, чтобы защитит Павла, а вы говорите, напал? Мой вам совет: заберите назад свое обвинение. А если нет — глиняные карьеры в Оливе глубокие». Потом он вдруг исчез. Не так, как раньше — на месяц, на два, на квартал, — а на целых десять лет.

И спустя эти десять лет снова предстал перед бабушкой.

— Вот и мы, — сказал Рыжий Хенек, останавливаясь на пороге с Толстым.

— Что за «мы»?

— Я и Толстый. Вам нужен был кто-нибудь на участок, нет? Я без Толстого не работаю.

И действительно, работал он с Толстым, то есть Толстый копал, а Хенек показывал пальцем. Поселились оба в беседке, поскольку, вы ж понимаете, пани Хелена, человеку надо где-то жить, нет? Толстый рыхлил землю под кустами малины, губя малину, полол ирисы, губя ирисы, выкапывал луковицы тюльпанов, губя луковицы тюльпанов. Короче, чем бы ни занимался, заодно уничтожал все вокруг.

Хенек загорал. Подставив солнцу живот.

— Хенек, — спросила его однажды бабушка с присущей ей непосредственностью, — а если честно, за что ты сидел?

И Хенек, почесывая живот, перевел взгляд с выкапывающего что-то Толстого на голубой небосвод и ответил:

— Хе, хе, пани Хелена, хе, хе, небось за кражу, хе, хе, десять лет не дают.

Со временем, однако, Толстый стал копать все меньше, а Хенек — пить все больше; Толстый, верно, ему позавидовал, и теперь пили оба. Вдобавок у них стали гостить разные дружки и подружки, алкаши, наркоманы, залетные дамы легкого поведения, и так далее. Владельцы соседних участков, чему

трудно удивляться, негодовали: мол, крики, кражи и разбросанные повсюду бутылки, и в конце концов моя мама решила выдворить Рыжего Хенека, Толстого и компашку. Взяла с собой папу, они поехали в Оливу, пошли на участок и категорически потребовали освободить беседку, тем более что официально никто никогда не разрешал там жить ни Хенеку, ни Толстому, ни, тем более, пану Казiku или пани Марысе.

Они еще три раза туда наведывались и требовали — и вместе, и мама одна, и с бабушкой. Без толку. Рыжий Хенек всякий раз торжественно обещал, что вот-вот съедет, и либо не двигался с места, либо уходил и возвращался, а между тем на клумбах сверкали очередные бутылки, за домиком все сильнее воняло, а на стене разрасталось черное пятно от висящего на гвозде электрического кипятильника.

— Я думала, не выдержу, — возмутилась однажды мама. — Была я сегодня в Оливе и пошла с бабушкой на участок. По дороге встречаю Рыжего Хенека и Толстого: тащат со свалки старый телевизор, без задней стенки, полная рухлядь. «Что вы делаете?» — спрашиваю, а Рыжий Хенек говорит, что они как раз уносят это сокровище с участка, потому что съезжают. Аккурат, думаю — несли-то они в противоположную сторону, — но все равно говорю, чтобы убирались сегодня же, не то я вызову полицию. «Пани Ханя, сегодня не получится, у друга колени болят, он не может ходить». «А телевизоры носить может? — спрашиваю, а затем говорю: — Впрочем, меня это не касается, извольте унести все свои вещи и прибраться, я к вашей грязи прикасаться не намерена». «А что, брезгуете?» «Да, боюсь подхватить сифилис или какой другой СПИД». «Ой-ей, — говорит мне Хенек, — вы такая красивая и такая недобрая...»

Ну, тут Хенек дал маху — кто как не я это понимал. Достаточно было посмотреть на мою маму со стиснутыми зубами и горящими глазами, чтобы заранее отказаться от подобного рода аргументов, но Хенек явно не принадлежал к числу тонких знатоков человеческой натуры. Жаль, ох, как же мне жаль, что я не стоял тогда рядом с мамой и не мог полюбоваться, как она, окрыленная яростью, клянет Хенека; такое с ней бывает редко, зато форму приобретает апокалипсическую — и Берма^[1], и Мэй Уэст, и Анжелика Хастон^[2] могут спрятаться.

Разумеется, взрывом ярости пани Хани, такой красивой и такой недоброй, история не закончилась.

— Но я им сказала, — объявила нам однажды бабушка, набив рот творожным пирогом от графини (графини, потому что кондитерская принадлежит пани Х., урожденной У., — очередной «даме до мозга костей»).

— Кому?

— Рыжему Хенеку. Я вошла, а они там все развалились, опять с какой-то бабой, телевизор смотрят...

— Я знала. Знала, что они этот телевизор туда приволокут. Больные колени. Аккурат. Обставляются. Молодожены.

— ...телевизор смотрят, а я вхожу и говорю: «Вы что себе думаете? Чтoб сегодня духу вашего не было. Пошли вон!» И для пущей важности стукнула кулаком по телевизору. А телевизор старый, вдруг посыпались искры, что-то зашипело, и экран погас. Но впечатление это произвело.

— И что?

— Ничего. Оставила капли и ушла.

— Какие капли?

— Глазные, — произнесла бабушка как нечто само собой разумеющееся.

— Глазные капли? — мама испытующе посмотрела на бабушку и откусила кусочек творожника, — какие еще капли?

— Да понимаешь, — бабушка старалась говорить как можно беззаботнее, — у этого, второго, что-то с глазами, вот я и отнесла им капли... в конце концов, они тоже люди...

— Мама! Они реквизи́ровали у тебя беседку, ничего не сделали, если не считать небольшого урона, весь участок замусорили, везде какие-то бутылки, грязь, сифилис и малярия, наркоманы, шлюхи... скоро тут будет самый популярный притон во всей Оливе. А ты им носишь глазные капли! Конец света. Велишь выметаться и носишь капли!

— Ханя...

— Что «Ханя», что «Ханя»? Уголовники эти уже всех достали, и людей можно понять. Говорят, они обкрадывают участки, все крушат. Мама! Да этот бандит тебя зарежет и глазом не моргнет.

А — Э-э-э, брось. Рыжий Хенек? Что мне сделает Рыжий Хенек? Да я его вот таким помню, — тут бабушка развела на полметра руки, — он еще вот такой меня обмишурил. И-и-и-и...

— Мама, — призывала прозорливейшая из матерей, — мама, да ведь он же бандюга, с такими шутки плохи.

— Не беспокойся, я умею обходиться с «такими», как ты говоришь. Я из Лисова, а Лисов — воровская деревня. Испокон веку. Воровская и блюдущая свою честь.

— Ох, мама, — не сдавалась разумнейшая из матерей, — это было до войны. Шестьдесят, семьдесят лет назад. Не сейчас. Люди сейчас другие, воры другие. Какая там воровская честь! У них вообще никаких принципов нету. Такому типу задушить тебя или съездить по физиономии — раз плюнуть.

— Да? Неужели? — Тут бабушка вошла в раж — очаровательно, как только одна она умела. — Ну так я тебе кое-что расскажу. Когда я была совсем еще маленькая...

— Мама!

— Знаем, — бросил я из-за кулис.

— ...совсем еще маленькая, — повысила голос бабушка, — в Лисове хозяйничали страшные разбойники. Вообще преступников было — пруд пруди, их выпускали из Святого Креста^[3], и они поселялись в окрестностях. Не только бандиты, политические тоже...

— ...и благодаря этому, — перебил ее я, — мужики были на редкость, ну просто на редкость интеллигентные, крали напропалую и ненавидели полицию, конфликты разрешали своими силами. С помощью топоров.

— Вот именно. Спасу от них не знали. Было это после первой войны. Мой отец, когда приехал в Польшу пару лет спустя... года через два-три... если отправлялся куда-нибудь за пределы деревни, не выпускал из рук двух заряженных револьверов...

— Как Джон Уэйн.

— ...как Джон Уэйн. Или как Гарри Купер^[4]. Да. Очень было опасно, а хуже всех была банда Быка... прямо гангстеры, можно, наверно, их так назвать... вдвоем разбойничали, иногда втроем. Я знаю, что главаря звали Бык, потому что, когда уже подросла, нашла на чердаке старые газеты, где описывались их подвиги. У них на совести было несколько человек, и как раз в тот день,

когда они заявили в Лисов, они убили в соседней деревне старушку. Или, может, она умерла от разрыва сердца, когда ей пригрозили пистолетом? Не помню. В любом случае, я была еще маленькая и знаю все по рассказам мамы, сама я лежала в колыбели в соседней комнате. Дедушка работал в кабинете.

— Мама, мы это наизусть знаем...

— И что с того? — Непосредственность вопросов такого рода на какое-то время отбивала охоту спорить, и мы не стали мешать потоку воспоминаний. — Дедушка работал в кабинете. Видимо, дело было летом, потому что жатва, все в поле, деревня пустехонька. И вдруг, ровно в полдень, в усадьбу врываются бандюги, Бык со своим помощничком, и ну потрошить все шкафы, грозить пистолетами... На краю стола, мне потом и мама показывала, и бабушка, на краю такого большого дубового стола складывали добычу: серебро, украшения, часы. Перетряхивали бумаги, выворачивали все из ящиков письменных столов, ужасно орали. Дверь в дедушкин кабинет открыли пинком, а дедушка только поднял глаза от бумаг, полез во внутренний карман пиджака, достал портсигар и сказал...

— «Не угодно ли господам бандитам папироску?» — крикнули мы с мамой хором.

— ...а они, — продолжала ничуть не обескураженная бабушка, — конечно, угодно. Помощник продолжает грабить и складывать все на краю стола в гостиную, а Бык, отобрав у дедушки серебряный портсигар, часы и деньги, расселся и курит. И тут моя мама — до сих пор не могу ей этого простить — закрыла комнатку, в которой я спала, на маленькую такую, хлипкую щеколду и выскользнула из дома через заднюю дверь, вы же знаете, моя мама нормально ходить не умела, всегда бегом, а уж тут и подавно, добежала до колокола и давай бить тревогу, себя не помня трезвонила. Люди в поле подхватились и в деревню, бандитов как ветром сдуло, удрали, оставив в панике всё, что навалили на край стола. Вскоре их поймали и дали очень большой срок... но, знаете, я не могу маме простить, что она бросила ребенка, им ведь ничего не стоило добраться до колыбели, разок двинули ногой в дверь, и готово дело. Мне много лет это снилось так явственно, будто я сама все видела и запомнила: отлетающие один за другим гвозди, треснувшая щеколда и бандиты, врывающиеся в мою комнатку, вытаскивающие меня из колыбели... бр?р?р, даже сейчас мороз по коже, как об этом подумаю.

Лисов был самой воровской деревней на свете. Получилось так потому, что царь Всея Руси от большого ума устроил неподалеку, на Святом Кресте, знаменитую тюрьму, куда свозили заключенных со всей Российской империи — уголовников и политических. А они, отсидев свои многолетние сроки, на старости нередко оседали в окрестностях и занимались каким-нибудь ремеслом, которому обучились либо еще на свободе, либо в тюрьме. Кузнецы и столяры, сапожники и печники, с венгерскими и литовскими, русскими и армянскими фамилиями, — все они в конце концов находили себе местных девок или вдов, заводили с ними детей, а у этих детей рождались свои дети, и так продолжалось из поколения в поколение. Были среди них интеллигенты — наследники политических — и наследники уголовников с воровской жилкой; эти, конечно, хранили пресловутую воровскую честь и соблюдали кодекс славных преступников девятнадцатого века, почти такой же сложный, как рыцарский, и уж наверняка столь же строго его придерживались.

— Как-то один мужик срезал у сироты капусту — у девушки и было-то всего домишко у дороги да грядки с капустой, — а он, понимаешь, прокрался ночью с ножом и все кочаны срезал ... Мужики едва об этом узнали — а узнали они быстро, потому что девчонка подняла крик на всю деревню, — устроили в местной лавочке совещание, собрали целую комиссию, чтоб пойти в полицию — как же, ужасное пятно на их чести, — стали обыскивать одну за другой хаты, пока не нашли у этого негодяя срезанную капусту. Избили его так, что он три недели с кровати подняться не мог, только жена за ним и ухаживала. На следующий день прихожу я в лавочку — тут тебе и торговля, и дискуссионный клуб, и корчма... и один мне говорит: «Так мы стервеца отметили, что ого-го. Не мог, что ли, сукин ты сын, говорю ему, к графьям пойти — к сиротке полез? Или в усадьбу... нет, к бедной понесло...», а я перебиваю его и говорю: «Нет, в усадьбу не мог». Тот растерялся, в лавке тихо сделалось... а я говорю: «В усадьбу не мог, потому как в усадьбе капусты нет». Ох и смеялись мужики, я такого в жизни не слышала; и сразу почувствовала, что я — своя, а один из них сказал мне потом с величайшим одобрением: «У барышни Ляли ни вот столечко гонора, носа не задирает, никаких господских фанабериев». Хорошие были люди. Бабушку Ванду это воровство пугало. Она еще помнила мужиков на Украине, которые чужого не брали. Любила рассказывать, как ехала в соседнее имение и ветка ренклода, тяжелая от спелых, липких от сока плодов, ударила кучера по лицу. «Да ты ешь, Василь, — сказала бабушка из-под вуалетки, — раз сами в рот лезут». «Не я сажал, — ответил он, — не я буду есть». Но как дошло до дела,

резали за милую душу, а наши мужики нас защитили от Советов.

— Я знаю, бабушка, знаю, все знаю. Знаю, что, когда однажды у тебя что-то украли и ты вызвала полицию, вдруг вся деревня, которая всегда тебя любила и звала Лялечкой, встала грудью...

— Ну и встала. Все пришли, выстроились перед усадьбой и смотрят на меня волком, ну и я в конце концов махнула рукой и не стала подавать заявление. И тогда услышала такое протяжное, долгое «уф-ф-ф-ф...». Мужики вздохнули с облегчением, вор вздохнул, и даже я вздохнула.

— Знаю.

— А знаешь, как бабушка Ванда хранила такую красивую ткань, белый пике в черные узоры? Поставила, свернутую в рулон, в шкаф и время от времени открывала дверцу и смотрела, не убыло ли сколько-нибудь. А когда умерла моя мама, мы хотели что-то из этого пике сшить, война ведь, приличной ткани на траурные платья не купишь. Открываем шкаф, достаем рулон, а там только снаружи материя, а внутри напиханы газеты. Геньки, нашей прислуги, рук дело. Конечно, она не призналась, но вообще страшно воровала, да так хитро. Ну, я на нее не в обиде, ей и без меня досталось, тетка Мехова ей совсем заморочила голову своими анархистскими бреднями. Генька целыми днями сидела у нее в комнате под этими маскаронами, масками и картинами...

— Бабушка, я знаю, но Лисов это одно, а Хенек — совсем другое. И надо от него избавиться.

— Даа, пожалуй, и вправду надо, — нехотя согласилась бабушка.

В конце концов мы поступили так, как нам посоветовали: выставили Хенека из беседки и повесили замок. А когда он сорвал замок и вошел внутрь, это уже официально считался взлом, и мы смогли вызвать полицию. Полицейские вытолкали Хенека *et consortes*^[5], а мама облила домик лизолом — во-первых, для дезинфекции, а во-вторых, чтобы отвадить потенциальных жильцов.

И тогда Хенек совершил поступок, который бабушка не могла ему простить. Уходя, он спросил, может ли воспользоваться телефоном, и позвонил в полицию, чтобы донести на какого-то своего дружка. Бабушка залилась краской от ярости и сказала ему:

— Постыдился бы. Я сама из воровской деревни и все понимаю, но там воры блюли свою честь. Если бы кто-нибудь донес на товарища, до конца жизни бы не очистился. Убирайся. Не хочу тебя больше видеть. Никогда. Не имеешь права переступить порог этого дома.

Но то была не последняя встреча бабушки с Рыжим Хенеком. Когда весной лизол немного выветрился, зацвели подснежники, а бабушка после тяжелого гриппа впервые вышла из дома — пошла в лавку, Рыжий Хенек вырос как из-под земли посреди булыжной мостовой улицы Личманского, подбежал к бабушке, ни слова не говоря, протянул руки к ее шее и схватил за концы шарфика.

— Пани Хелена, — сказал он, — вы, кажется, болели, только начали выходить, а горло у вас совсем открытое, опять хотите подцепить какую-нибудь хворобу?

Перевод Ксении Старосельской

Вымышленный персонаж романа Марселя Пруста «По направлению к Свану», трагическая актриса, в образе которой автор соединил черты Сары Бернар и Габриэль Режан.

М.Уэст (1892–1980) — американская актриса, певица, писательница; А.Хастон — современная американская киноактриса.

На одной из вершин Лысых (Свентокшиских) гор в XII в. был основан бенедиктинский монастырь Святого Креста, от которого получила свое название «Святой Крест» и сама вершина; так же называли тюрьму строгого режима, учрежденную по царскому указу на территории монастыря в 1882 г.; тюрьма существовала по 1939 год.

Гарри Купер (1901–1961) — знаменитый американский киноактер.

И товарищей (лат.).

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

«ВУНДЕРКИНД» ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Поэт и прозаик Яцек Денель (р. 1980) — «вундеркинд» новой польской литературы. За неполных три года, прошедших с момента публикации дебютантского сборника стихов «Параллельные жития» (2004), он стал одним из самых узнаваемых представителей молодого поколения писателей и лауреатом двух видных литературных премий: Фонда Костельских и «Паспорта «Политики»». Последняя присуждена за его первое прозаическое произведение — роман «Ляля» (2006).

Вынесенная в заглавие Ляля — родившаяся в 1919 году бабушка автора, необыкновенная красавица («ляля» — по-польски «кукла»; так говорят о человеке, если хотят сказать, что он очень хорош собой — просто загляденье. Прозвище подходит героине книги еще и потому, что ее зовут Хелена, а Ляля — уменьшительное от этого имени. — Пер.). Сам писатель взял на себя роль рассказчика и фигурирует на страницах романа под собственным именем и фамилией. По сути своей «Ляля» — семейная сага, история в равной мере приватная и социальная. Денель не только описывает, что происходило с его предками на протяжении XX века, но и представляет некоторые типичные аспекты жизни польских интеллигентов, укорененных в помещичьей культуре.

Самое интересное в этом многосюжетном и многослойном романе — то, что зачастую находится на обочине повествования о жизни семьи. В центре внимания — незаурядная, храбрая, энергичная и мудрая женщина, вышеупомянутая Ляля. Не устающий восхищаться ею внук скрупулезно записывает бесчисленные анекдоты, которыми его развлекает бабушка, объединяет их в более крупные фрагменты, комментирует и дополняет анекдотический материал. Задача рассказчика — составить биографию Ляли, которая будет написана от ее лица и в ее честь. Так внук отдает бабушке долг: она ввела его в мир культуры, в мир художественных и нравственных ценностей. С ее помощью Денель сформировался как личность, благодаря ей узнал, что обладает внушительным культурным капиталом, что должен сохранять верность традициям своих предков, которые

безгранично любили искусство, ценили ум, отличались благородством и трудолюбием.

«Ляля» — также рассказ о реконструкции истории, о том, как трудно собрать воедино обрывки воспоминаний. Источник информации о мире, которого давно уже нет, — старая больная женщина. Денель понимает, что в ее изложении событий прошлого часто отсутствует логика, нарушена хронология. Он вынужден вмешиваться — связывать оборванные нити повествования, самостоятельно доводить до конца некоторые сюжетные линии. Работу свою он то и дело комментирует, открывает читателю «кухню» биографа, рассуждает на эту тему, указывает на трудности, с которыми неизбежно сталкивается каждый, кто погружается в далеко отстоящую по времени действительность.

Наконец, в самых глубоких своих слоях «Ляля» еще и автобиографична. Денель рассказывает о своем детстве, проведенном рядом с бабушкой, о юношеских переживаниях. И этому автобиографическому компоненту романа молодой писатель придает особый статус: в финале читателю предложено воспринимать текст как — сколь бы странно это ни звучало — историю пренатальной жизни Яцека Денеля. Вот последняя фраза книги: «А потом (...) родился Яцек. То есть я». Таким образом завершается автобиографический рассказ о первом этапе жизни героя и одновременно — о самой важной фигуре, которая определила форму этого этапа.

Этот эффект «завершения», подведения итогов определенного периода жизни чрезвычайно важен. Свой роман Денель писал в 2000–2002 годах. Он тогда был не только юношей, стоящим на пороге взрослой жизни, но словно бы и прежним Яцеком, личностью, с которой нынешний Яцек Денель не полностью себя отождествляет. Так что в конечном счете «Ляля» — не столько автобиография, сколько необычайно изысканная игра с традицией, с правилами, которых обычно придерживаются пишущие о себе.

Дебютантский роман Яцека Денеля отличают редкостная зрелость стиля, умелое владение формой и литературное мастерство. «Ляля», без сомнения, — одна из наиболее интересных и значительных книг, опубликованных в 2006 году.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В большом интервью, которое дала «Газете wyborчей» (2007, 2–4 февр.) профессор Барбара Скарга, выдающийся философ, в прошлом боец Армии Крайовой и до 1955 г. узница советских лагерей, мы можем прочесть:

«Я горжусь «Солидарностью», совместным детищем рабочих и интеллигенции. Я горжусь «круглым столом» [1989 го] как методом перехода от «Народной Польши» к свободной Польше и демократии без единой капли крови».

Скарга подчеркивает, что ценит заключенный тогда компромисс, хотя и отдает себе отчет в том, что за него пришлось заплатить. Интервью появилось в то время, когда все громче слышны голоса людей, которые почти на полвека младше Барбары Скарги и чувствуют себя обманутыми «Солидарностью» и организаторами «круглого стола». Родившиеся в середине 1960 х, включившиеся в борьбу времен военного положения «рядовыми» оппозиции, начитанные и хорошо образованные, творчески активные, они считают, что можно было добиться большего, ускорить процесс преобразований, совершить мощный цивилизационный скачок, очистить польскую политику от наростов «посткоммунизма». Они могли бы повторить за Густавом Герлингом-Грудзинским: «...бескровная революция может переродиться в революцию малокровную».

Выходят всё новые книги, авторы которых стремятся рассчитаться со «старцами» за их недоделки и неспособность. Среди таких книг, например, «Михниковщина» прозаика и публициста Рафала Земкевича и составленный Петром Новаком сборник статей «Война поколений». Сам составитель, философ, в свое время напечатал в гданьском «Пшеглёнде политичном» эссе «Король Лир, или Войны поколений»: анализируя в нем трагедию Шекспира, он показывал престарелого короля, который не умеет решить вопрос престолонаследия — передать власть молодым. А молодые ждут, они готовы. Комментируя эссе Новака на страницах «Европы» (приложение к «Дзеннику», 2007, №6), Цезарий Михальский, один из самых активных публицистов этого поколения, автор романа «Состояние отталкивания» (где он

производит расчет со старшими), пишет в статье «Стратегии молодого поколения. Почему бунт не удался»:

«Король Лир у Петра Новака становится символом всех «влиятельных старцев». «Уставший от власти и нарастающего склероза, старый король уже не хочет, чтобы его просто признавали, — он хочет, чтобы его любили» (тут в глубоко эрудированной сноске Новак ссылается на Лео Штрауса, который важнейшим критерием тирании считает «поиски у подданных любви вместо признания»). А у меня перед глазами стоит в этот момент Адам Михник (...). Гротескный в своем бессильном гневе, не понимающий, почему его никто не любит. Безуспешно старающийся заставить себя любить».

Несколько раньше Михальский отмечает: «В дискурсе геронтократии старость — это мудрость, опыт, авторитет, но прежде всего право. В то время как молодость, неопытная, раздираемая страстями, эгоистичная, — это состояние природы. И, пожалуй, ясно, кто должен править королевством, когда спор между поколениями строится на таких ценностях. Разумеется, старость. Зрелые авторитеты — Кищак [бывший министр внутренних дел ПНР], Урбан [бывший пресс-секретарь правительства ПНР], Михник, Мазовецкий, Барбара Скарга, Ежи Едлицкий...» И добавляет: «Петр Новак сдирает со старости и старца все атрибуты права. Возвращает его природе».

В конце статьи Михальский указывает причины поражения своего поколения:

«Даже самые-самые среди нас бунтовщики и аристократы, охотно подставлявшие загривок под удары, входили во взрослую жизнь в тени «Солидарности», всегда готовые служить ее создателям и лидерам. Даже когда те компрометировали себя на наших глазах. Когда замечательные учредители КОРа Адам Михник и Антоний Мацеревиц готовы были друг друга убить, лишь бы исключить противника из истории. Когда в титаническом и абсурдном бою уничтожали друг друга Валенса и Мазовецкий. Мы это видели и все-таки не переставали им служить. Ибо только этому — служению — научили нас 80 е годы. И мы пережили время, когда популяция превращается в поколение, прозевали его и навсегда растратили».

Молодежь — сегодня уже люди средних лет — осталась на обочине общественно-политической жизни:

«Они мечтают о повествовании своего поколения, потому что этого повествования им не удалось никому ни навязать, ни

сообщить. Они остались биологическими узниками своей биологической природы. Не стали людьми. Не обеспечили своему королевству мира и не ввели в нем право. Это государство по-прежнему остается во владении «сварливых старцев» и их безумных капризов».

Изолирован ли такой голос? Скорее нет. В последнем (запоздавшем) номере катовицкого журнала «Опции» (2006, №4), выходящего раз в два месяца, стоит обратить внимание на текст Мартина Гацека «Нищета польской политики»:

«Уровень польской политической мысли, лексика политиков, масштаб дискуссий по важным вопросам, отсутствие политической доктрины, часто называемое отчуждением от идеологии, — все это исключает возможность назвать наших политиков провинциальными, так как провинциальность требует все-таки минимума той гражданской добродетели, которую представляет собой ответственность за отечество — может, небольшое, но свое. Эмблема польской политической сцены — реформирование ради самой реформы (...). В результате этого вакуума политической мысли граждане перестают одобрять деятельность политических партий, а это приводит к положению, когда о высокой явке на выборы мечтать не приходится. (...) ...глядя на постоянно низкую явку на выборы (...) нельзя выдвигать претензии к электорату, который ведет себя так, как рациональный партнер, когда предыдущие договоры не выполнены. В сознании граждан остаются еще не слишком давние неисполненные обещания левых и совсем недавние рассказы правой коалиции. Все мы платим цену за невыполненные обязательства — не столько предвыборные, ибо разумно мыслящий человек относится к ним если не снисходительно, то сдержанно, сколько обещания предыдущих правящих команд при внесении изменений в налоговую систему или реформах в других областях государственной жизни. С самого начала демократических преобразований в Польше заговорили о кризисе демократии. Сначала это был кризис только возводимой и еще находившейся в пленках демократической системы, сегодня — проблема демократии, поддающейся анархии, и захвата части электората партиями и лидерами, прибегающими к демагогии. (...) Ничему не поможет отношение избирателя к себе как субъекту истории, если он априорно сочтет, что единственная цель политических верхов — власть сама по себе. Это конец демократии. Наступает момент, когда избиратели пойдут за любым, кто несмотря на свои демагогические лозунги даст тень надежды, что осуществит хоть что-то из общественных требований. Они будут ждать мифического

принца, который — хоть он и опасен — исполнит их чаяния. В такой ситуации мне грезится уже не политическая верхушка, но хотя бы ее эрзац, обеспечивающий понимание болячек современного мира и того простого факта, что тот, кто не борется за политическую свободу во имя самой свободы, утратит ее. Я начинаю тосковать по людям с чувством ответственности за судьбу страны, ответственности, из которой вытекает подлинное величие политика на своем посту — «la noblesse de fonction»».

И, наконец, голос литературного критика, прозаика и публициста Ежи Сосновского, который в статье «Приглашение дьяволу» в том же номере «Европы» пишет:

«Из коммунизма наш народ выходил покалеченный — либо замкнувшись в самообожании (...) либо дурно относясь к самому себе, неясно ощущая, что, видно, он сам виноват, раз другим народам не пришлось так плохо. Писатели из т.н. поколения «брульона» («черновика») [речь идет об авторах, родившихся в середине 1960-х и сосредоточившихся вокруг подпольно выходившего в 80-е годы в Кракове ежеквартального литературного журнала «брульон». — Л.Ш.], отягощенные тем же комплексом, не взялись, правда, за то, чтобы назвать его и исцелить, но по крайней мере не стремились раздражать соотечественников и косвенно смирялись с тем, какие те есть».

Бунт поколения тогда предписывал «задавать важные вопросы в новых исторических условиях». И — читаю дальше Сосновского:

«Что осталось от той революции? Мало что. На местный парнас допустили нескольких человек, но не мыслей — а нужно-то было это. Так называемое поколение «брульона» удалось подкупить. Тем временем механизмы польской культуры, отождествлявшей собственный анахронизм с самосознанием, остались нетронутыми. Вчерашние участники конфликта потихоньку превратились в поклонников захолустий (...). Место нашего бунта заняла лихорадочная работа СМИ, чтобы как можно скорей, как только возможно, усвоить самые глупые моды, какими живет сегодня Европа».

Между тем в нынешних дискуссиях идет лихорадочная попытка реконструировать исходную точку разочарований этого поколения. Сосновский пишет:

«На страницах газеты «Жечпосполита» я опубликовал горький текст в годовщину военного положения. Там я поделился

мыслью, которая с давних пор меня преследовала: неправда, будто после 13 декабря народ солидарно вступил в борьбу с коммунизмом. От военного положения мне запомнились растерянность, маразм и отсутствие разумной концепции насчет того, что дальше. (...) Между тем в «Войне поколений» авторы, в основном чуть младше меня, описывают ровно то, что и меня волновало: тогдашнюю пассивность общества и неустанное ощущение, что ты лишний. Похоже, что существовала общая точка зрения, с которой мы видели одно и то же».

На этой констатации есть смысл остановиться. Действительно, эту пассивность большей части общества ощущали все, особенно с 1983 г., когда стало ясно, что коммунизм не уступит, а Горбачева на горизонте еще не было; его приход тоже мало что изменил, а «перестройку» в Польше восприняли скорее как «передышку». Коммунизм не выглядел умирающей системой — мысль о его скором тогда крахе можно высказать только с сегодняшней точки зрения. При таких обстоятельствах большинство оппозиции видело в переговорах «круглого стола» шанс на выход из тупика. Сами переговоры и их результат высвободили массу общественной энергии, особенно среди представителей как раз этого, сегодня считающего себя проигравшим, поколения. Но так они стали считать *ex post*! Возвращаясь к тому времени, невозможно не увидеть, что, приступая к переговорам «круглого стола», представители оппозиции вовсе не были уверены в общественной поддержке: забастовки 1988 г. были приняты основной массой общества почти безразлично, состояние апатии было исключительно прочным. Но когда начали возникать новые общественные структуры, в том числе и структуры власти, то молодежи, тогда почти тридцатилетним, мест не досталось. «Сдача карт» после краха коммунизма действительно исключила это поколение из игры — это довольно интересно описывает в романе «Намоченные» Анджей Хорубала, один из ведущих публицистов этого поколения.

Выход начали искать в повороте к консерватизму. Сосновский пишет:

«Я искал причин в рамках эстетики или психологии. Оказывается, что, как всегда, я был наивен: речь шла о власти. Авторы, которых пригласили дать свои тексты в «Войну поколений», признаются в этом с поразительной откровенностью. Консерватизм представляется им знаменем, под которым они собирались «убить отца» (...). Стать консерватором значило ухватить свободную «ячейку,

сдаваемую в аренду», а говоря языком маркетинга, произвести молниеносное «позиционирование», так как этот идейный выбор в Польше выглядел экзотически. (...) Старшие по причине своего старшинства не хотят делиться влиянием? Ну и пусть их — консерватор, даже молодой, стар стариной веков. (...) Но какая, однако, ирония судьбы! Консерватизм не только не привел моих ровесников к власти над душами, пусть самой скромной, но лишил их (...) того, что составляло нашу исключительность, а значит, силу. На вид замена художественной революции революцией консервативной была неплохо обоснована: не должна же литература быть изолированным полем эстетической игры, она должна проверяться воздействием на сознание читателей и их жизненную активность. Да только над мышлением о культуре как целом воцарилось мышление, всё сводящее к политике. (...)

К сожалению, в отчаянных поисках безупречного носителя традиций был вызван к жизни призрак «простого народа», который якобы не дал себя одурачить коммунизмом и инстинктивно отвергает миазмы постмодернизма. Само по себе верное наблюдение, что государство тем лучше управляется, чем меньше граждан чувствует себя отверженными, довело до того, что оставили в пренебрежении образование (на всех фронтах), зато принялись кокетничать с кругами, в которых усмотрели «простых людей», хотя в большинстве это были всего лишь продукты отечественной мутации бунта масс. Нет оснований спрашивать о духовных результатах этой ошибки, раз уже текущие политические результаты действуют достаточно гнетуще. Но, читая «Войну поколений», я подумал с тревогой, что приписывание себе «консерватизма» начинает получать еще одну функцию — особенно важную ввиду того, что растут новые поколения. Напомню, что еще в 1989 г. в публичных дискуссиях появился — и быстро, как бы стыдливо исчез — вопрос, обладает ли кто бы то ни было, воспитанный хочешь не хочешь при коммунизме, шансами соучаствовать в построении «нормального» государства. Это сомнение сегодня всё чаще выражают люди, родившиеся в 1980 е. Заявляя себя консерватором, пытаешься внушить, что коммунизм нас даже не царапнул. А это неправда».

В ведущихся ныне спорах и полемике можно найти немало предостережений на сегодня и на ближайшее будущее. Возвращается вопрос о состоянии польской политической мысли, но возвращается и вопрос ответственности за состояние общества. Дискуссию ведут люди, исходной точкой которых был эстетический бунт (потому что только его можно

было особенно полно выразить в том подпольном пространстве, в каком действовал «брульон»). Участники дискуссии (а она наверняка будет развиваться) — зачастую те писатели, которые одновременно (что видно в СМИ, где все чаще слышны голоса тех же Земкевича, Михальского, Новака, Сосновского) играют роль публицистов и комментаторов как текущих событий, так и новейшей истории. Голос Сосновского свидетельствует, что пока это не односторонняя дискуссия. Пока — как долго еще?

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Эта небольшая книга, написанная кардиналом Дзивишем, — пишет Адам Кшемминский о книге «Свидетельство», посвященной Иоанну Павлу II, — быстро стала бестселлером (...) и это тоже результат по-прежнему существующей магнетической силы польского Папы (...) Книга «Свидетельство» — это не первоисточник, а кардинал Дзивиш — не биограф, но он — будучи теперь митрополитом Краковским — в известном смысле пишет и о себе самом. Став с недавнего времени преемником кардинала Войтылы в Кракове, он предстает (...) одним из лучших хранителей его духовного наследия, причем в тот момент, когда идут бурные дискуссии на тему недавнего прошлого и ближайшего будущего Церкви в Польше». А сам кардинал Дзивиш говорит о своем отношении к Иоанну Павлу II так: «Я слишком глубоко уважал и почитал Его Святейшество, чтобы считать себя его другом. Я старался ему верно и добросовестно служить. (...) При этом Папе все было нормально».

• Книга кардинала Станислава Дзивиша заняла первое место в последнем списке бестселлеров. А следующие три места в списке заняли книги Рышарда Капустинского: «Император», «Империя», «Черное дерево»; далее идет произведение Рафала А. Земкевича: «Михниковщина. Описание болезни», а затем — еще три книги Капустинского.

• «Дело происходит в Гданьске, отчасти сегодняшнем, отчасти завтрашнем, — пишет Пшемислав Чаплинский о новой книге Павла Хюлле «Последняя вечеря». — (...) Мир, который представлен у Хюлле, имеет столь выразительные контуры, а герои его морально столь однозначны, что сатиры — с ее простейшим распределением характеров, розгами порицания и неверием в исправление наказуемых — совершенно достаточно. (...) Самые лучшие эпизоды в романе — те, в которых автор запутывает все следы и пути, совмещает временные планы (...). Среди всех книг, которые Хюлле написал с начала 90-х годов, эта — самая лучшая. (...) Писатель в своем романе не находит никакого связующего общества элемента, кроме католичества, национализма или ксенофобии. Поэтому его роман не представляет собой противовеса тем институтам,

которые объединяют людей с помощью ксенофобии и националистической религиозности. Продолжая по-прежнему страдать в одной и той же общности, мы, однако, будем помнить, что кто-то четко сформулировал, в чем состоит долг литературы. И пытался этот долг выполнить».

- О книге Ирены Грудзинской-Гросс «Милош и Бродский. Магнитные поля» пишет Марек Радзивон: «Книга повествует о взаимном восхищении, а также о спорах, которые возникали между Милошем и Бродским. Кроме дружбы, там были еще, наверное, и такие отношения как мастера с учеником, и возможно еще, что глубоко внутри оба поэта скрывали ноту ревности. (...) Автор расширяет границы литературоведческого анализа и горизонты повествования, говоря о взаимных, не только в литературной области, российско-польских влияниях минувшего столетия. (...) Что именно сблизило героев книги? «Поэтическая дружба очень нужна молодым поэтам. Они не уверены в себе, читают друг другу свои стихи», — говорил Милош. Его дружба с Бродским была таким самоутверждением друг перед другом. Вероятно, им это было необходимо даже в то время, когда оба уже стали зрелыми, признанными поэтами, нобелевскими лауреатами, ощущали удовлетворение от того, что осуществились».

- *Nabent sua fata libelli* (Книги имеет свою судьбу) — а также их авторы. Первую передачу из цикла «Список опечаток к биографии» авторы посвятили Яну Бжехве, который писал прекрасные стихи для детей, никогда не занимался политикой, но в 50-е годы, случилось, сочинил несколько стихотворений в честь Сталина. Этот эпохальный грех невероятно взволновал авторов передачи. К счастью, это не повлияло на популярность того творчества, которое когда-то принесло славу Бжехве и по сей день доставляет радость детям. В варшавском театре «Рома» прошла премьера самого эффектного польского мюзикла — «Академия пана Кляксы», — поставленного Войцехом Кепчинским (музыка Анджея Кожинского) по книге Яна Бжехвы. Много лет тому назад огромной популярностью пользовался кинофильм о приключениях пана Кляксы. Нынешний музыкальный спектакль восхищает настоящим фейерверком постановочных идей.

- «Современная эксгумация «Дзядов», — пишет Йоанна Деркачев о пьесе Павла Демирского по мотивам драмы Мицкевича, — происходит не из-под земли, а из-под ковра, куда на протяжении десятилетий сметались неудобные вопросы. Но смрад от этого не стал меньше. Спектакль лишает статуса обиженной всю Польшу. Молодых и старых, правых и

левых, черных и красных. (...) Если поставленные Деймеком «Дзяды» были началом некоего мифа, то «Дзяды» Демирского и Стшемпки (поставившей спектакль во Вроцлаве) стали его концом». Павел Демирский, молодой автор пьесы «Дзяды. Эксгумация», как он назвал свою версию мифа Конрада, обращается в своих пьесах («Валенса. История веселая и потому весьма печальная», «Из Польши с любовью» / «From Poland with love») прежде всего к современной истории Польши — много ее неожиданных аспектов он уже представил. Другой театрально-политической сенсацией стал спектакль под названием «Досье», поставленный знаменитым Театром Восьмого Дня из Познани. Эти досье — нечто такое, чем сегодня власть пугает общество, а общество в этом вопросе не остается перед властью в долгу. Познанские актеры использовали в своем спектакле отчеты и доносы сотрудников органов и сексотов, касавшиеся актерской среды, сопоставляя все это с фрагментами своей личной переписки и тех спектаклей, которые были поставлены в тот период.

- 69-ю годовщину со дня рождения Владимира Высоцкого варшавский театр «Полония» отметил спектаклем «Райские яблочки» Рышарда Тугушева, поставленным двумя русскими артистами — Жанной Герасимовой и Евгением Малиновским. «Почему Высоцкий? — рассуждает знаменитая актриса Кристина Янда, которой принадлежит театр, — я думаю, что напомнить историю Высоцкого и его песен или подарить его молодежи, которая его не знает, очень даже стоящее дело. (...) Он в каком-то смысле и наш актер. Нам тут в Польше в какой-то момент очень помогли его голос и его бунт». «После просмотра спектакля «Райские яблочки» в театре «Полония», — пишет Януш А. Ковальчик, — остается ощущение удовольствия от общения с произведением, которое никого не оставляет равнодушным».

- В Познани в возрасте 86 лет умерла Кристина Фельдман. На протяжении многих лет она была великолепной характерной актрисой второго плана и завоевала огромный успех, сыграв художника-примитивиста Никифора из Криницы, которому режиссер Кшиштоф Краузе посвятил свой фильм «Мой Никифор». За эту роль актриса была награждена многими премиями на польских и международных фестивалях.

- В Варшаве в возрасте 88 лет умер Мечислав Войницкий — звезда оперетты, игравший на протяжении многих лет роли первых любовников на сцене варшавской оперетты. Однако наибольшую популярность ему принесли эстрадные выступления и такие песни, как: «Не для меня все эти

машины», «Яблочко со снами внутри», «Утки-уточки». С этим репертуаром он много раз выступал и в Советском Союзе.

- Концертом, состоявшимся в Концертной студии Польского радио, официально начался Год Шимановского. «Шимановский, — пишет Анна С. Дембовская, — никогда не получал в Польше должной оценки, хотя именно благодаря ему польская музыка вышла на современный уровень. (...) В последнее время на Западе развернулась мода на Шимановского — там его сочинения записывают чаще, чем в Польше». Среди большого количества мероприятий, запланированных в рамках Года Шимановского, состоятся, в частности, премьера оперы «Король Роже» во Вроцлавском оперном театре в постановке Мариуша Трелинского, а также посвященный Шимановскому радиофестиваль музыки композитора.

- Юбилей отмечает 85 летний кинорежиссер, один из создателей польской школы в кинематографии Ежи Кавалерович («Поезд», «Фараон», «Смерть президента»).

- Роману Полянскому вручен «Золотой Орел», премия Национальной Академии кинематографических искусств и наук России, присуждаемая за «выдающийся вклад в мировую кинематографию». «Когда в России присуждают премию, это большая честь, — сказал режиссер на торжестве во время вручения премий. — Я не мог не приехать». На сцену его внес на руках Никита Михалков.

- О фильме «Юг—Север» Лукаша Карвовского пишет о. Анджей Лютер: «Карвовский — автор моралите о предназначении, которое воспринимается как случайность, а по существу есть божественное чудо. (...) величайшие чудеса, которые мы получаем от Творца, — это случайные встречи, которые самым неожиданным образом могут полностью изменить весь ход нашей жизни. (...) Встреча двоих людей придает смысл их жизни, но и смерти тоже. (...) Эта история встречи больного раком, собравшегося в свой последний путь священника, и женщины, которая в прошлом была проституткой, — это драгоценный фильм, который, однако, не поддается простому определению. Важно, что фильм хорош и смотрится на одном дыхании».

- Фильм «Забастовка» Фолькера Шлэндорфа получил две баварские кинопремии, а заполненный до отказа зал наградил его на показе долгой овацией. Кинорежиссер поставил свой фильм, вдохновившись личностью Анны Валентинович, одного из главных персонажей гданьской забастовки 1980 года: ее увольнение с работы на верфи стало непосредственной

причиной рабочих волнений. «Картина была бы действительно достоверным отражением событий, — пишет из Берлина Бартош Т. Велинский, — если бы не тот факт, что фильм «Забастовка» перенасыщен пафосом, местами искусственным, а местами банальным. Но, может быть, западным зрителям так и надо показывать? (...) Сам Шлёндорф говорит, что он хотел показать немцам, что к падению Берлинской стены привела эта забастовка на верфи в Гданьске — ибо о том, что одно обусловлено другим, немцы не знают».

- И все-таки! Несмотря на разные протесты, варшавский Дворец культуры и науки, когда-то возведенный как дар советского народа, теперь внесен в список памятников культуры. «И очень хорошо, — комментирует профессор Марек Квятковский. — Дворец вписан в пейзаж Варшавы, стал частью истории этого города. С годами он приобрел некоторое благородство. Его следует сохранить для потомков». «Здание в его настоящем виде, — так звучит обоснование реставратора, — это вполне представительное и подлинное свидетельство эпохи. Архитектуре его интерьеров придают достоинство проектные решения отдельных элементов декора, мастерство исполнения и высокое качество использованных материалов. В значительной мере это произведения польских художников и мастеров». Добавим, что эти действительно превосходные материалы были в значительной мере собраны из беспощадно уничтожавшихся в то время прусских и австрийских замков и дворцов, которые оставались на новых западных окраинах Польши. Сегодня ведется борьба за их реставрацию, хотя бы частичную.

- В нынешнем году лауреатом Большой Иерусалимской премии стал профессор Лешек Колаковский, выдающийся польский философ, писатель, публицист и эссеист. После Збигнева Херберта это второй поляк, которому присуждена эта премия. Премию присуждают во время проходящей каждые два года в Иерусалиме Книжной ярмарки писателю, чьи произведения посвящены вопросам свободы человека, современного общества, политики или отправления власти. Премия присуждается с 1963 года.

- Городские власти Лодзи приняли решение не проводить конкурс на градостроительный проект обустройства территории вокруг вокзала «Лодзь-Фабричная». Разработку проекта застройки центра второго по величине города Польши городские власти заказали знаменитому архитектору из Люксембурга Робу Креру. Площадь территории, которая будет застраиваться заново, составит 90 гектаров в самом центре

города и будет включать: Культурный центр мирового искусства (фонд, учрежденный Дэвидом Линчем, бизнесменом Анджеем Вальчаком и руководителем фестиваля «Camerimage» Мареком Жидовичем), зал для проведения фестивалей и конгрессов, галерею, а также магазины и рестораны.

• «Невелика премудрость организовать бразильский карнавал в Бразилии. А вот попробуйте устроить его в Польше посреди зимы. И мы это сделаем», — говорит Юрек Овсяк, создатель Большого оркестра рождественской помощи. В этом году его оркестр играл уже в 15 й раз — и в 15 й раз собирали деньги массы молодых волонтеров в ходе крупнейшего в стране и самого стихийного благотворительного мероприятия. О своем участии в нем заявили также 32 штаба по всему миру. Деньги, собранные в этом году, предназначены для спасения жизни детей, пострадавших в автокатастрофах, и для обучения оказанию первой помощи. Из этих средств будут финансироваться также закупки оборудования для детских отделений травматологии. «На протяжении восьми месяцев, — говорит Овсяк, — мы осуществляем программу обучения оказанию первой помощи в начальных классах. Когда мы начинали эту программу, она вызвала невероятные эмоции, особенно среди депутатов партии «Право и справедливость»». Они боялись: что же будет, когда Овсяк придет в школу. Но я обратился к учителям. И получилось отлично... 250 тысяч детей научились основам первой помощи. Это целая программа, финансируемая нами. И этого не осуществить ни одному министерству». А о сборе денег, объединяющем всю Польшу, говорит Кшиштоф Добес, пресс-секретарь оркестра: «Такой сбор дает невероятную энергию, ощущение удовлетворения и веры в себя». Наверное, в этом и есть настоящий ключ к разгадке столь невероятной популярности мероприятия Юрека Овсяка.

СТИПЕНДИИ ДЛЯ КАНДИДАТОВ С ВОСТОКА

На отделении Восточной Европы Варшавского университета, помимо обучения польских студентов, предлагается еще целый ряд начинаний, в которых благодаря стипендиям могут принимать участие и желающие из-за границы. Часть указанных мероприятий — это наши собственные учебные программы и школы (специальные восточные стипендии, Восточная летняя школа, Курсы политических исследований, Warsaw East European Conference, т.е. Варшавская конференция по Восточной Европе), другую часть мы организуем совместно с другими учреждениями (в их числе Восточная зимняя школа или стипендии им. Киркланда), а в некоторых случаях само отделение Восточной Европы — организатор и администратор (стипендии им. Кастуся Калиновского) или же осуществляет академическую сторону занятий (стипендии польского правительства).

Стипендиальная программа восточных исследований (25 стипендий в год)

В 2001/2002 учебном году был впервые объявлен конкурс на 25 «восточных стипендий» (в рамках стипендиальной программы восточных исследований), предназначенных для кандидатов из Центральной и Восточной Европы, а также из постсоветских стран. Их цель — обучение молодых специалистов из разных стран на отделении восточных исследований. Указанная программа продолжается вплоть до настоящего времени.

На шесть состоявшихся до сих пор конкурсов в общей сложности подавали заявления более 500 кандидатов из 18 стран. Победители конкурса получают возможность окончить отделение восточных исследований.

Специализированные курсы восточных исследований (специализации: «Восточная Европа» — с 1998 г., «Россия — Средняя Азия — Кавказ» — с 2000 г., «Центральная Европа — Балканы» — с 2001 г.) представляют собой рассчитанные на два года очные магистерские дополнительные занятия (для выпускников лицензированных лицеев и студентов, окончивших три курса вуза), которые готовят специалистов, намеревающихся работать в различных общественных,

государственных и частных учреждениях и заниматься там проблематикой соответствующего региона. Что касается иностранцев, добивающихся предоставления стипендии, то ожидается, что они уже получили в своей стране высшее гуманитарное образование.

В рамках учебной программы отделения восточных исследований, помимо постоянного профессорско-преподавательского коллектива этого отделения, читали лекции и проводили занятия самые выдающиеся специалисты польских научных, правительственных и хозяйственно-экономических организаций, владеющие восточной проблематикой. В качестве гостей с лекциями приезжал целый ряд первоклассных иностранных специалистов, сотрудничающих с отделением Восточной Европы. Среди них, в частности, профессора Норман Дэвис из Оксфорда, Даниэль Бовуа из Сорбонны, Джон Мицгель из Колумбийского университета, Богдан Осадчук из Берлина, Майкл Рывкин из Нью-Йоркского городского университета, Томас Венцлова и Петр Вандыч из Йеля, Збигнев Крушевский из Эль-Пасо, Анджей Каминский из Джорджтауна, Анджей Корбонски из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, Дитер Бинген из Дортмунда.

Отделение восточных исследований торжественно открыл 26 октября 1996 г. премьер-министр Ежи Бузек. Обучение там носит междисциплинарный характер, в нем сочетаются элементы знаний по истории, политике, географии и демографии, культуре, экономике, а также по социологической, национальной, религиозной и этнологической проблематике соответствующего региона. В общей сложности оно охватывает 1110 часов учебных занятий, а также дополнительное участие в работе Восточной летней школы.

Первые выпускники отделения восточных исследований завершили обучение осенью 2000 года. С этого времени выпускники приступают к работе во многих важных учреждениях, занимающихся «восточными вопросами» (в Центре восточных исследований, Польском агентстве печати, различных фондах).

Восточная летняя школа (30 стипендий в год)

Отделение восточных исследований организует с 1992 г. месячную международную научную стажировку, которая носит название Восточной летней школы. Это научные занятия, проходящие ежегодно в июле и предназначенные для

молодых ученых, особенно из стран Восточной и Центральной Европы, которые занимаются историей и современностью этого региона.

Программу школы составляют лекции, групповые обсуждения за круглым столом, посещения научных организаций, архивов и библиотек тех городов, где проходят занятия, а также выездные научные заседания и культурные мероприятия. Кроме того, студенты знакомятся с Варшавой как городом контактов между Востоком и Западом, поэтому их ежегодно принимает мэр польской столицы. Участники пользуются наставнической опекой всего педагогического коллектива отделения. Лекции здесь читают самые видные специалисты со всего мира. К нынешнему моменту гостями летней школы побывали 90 лекторов. Тексты лекций публикуются в таких изданиях, как «Обуз» («Лагерь») и «Пшеглёнд всходний» («Восточное обозрение»). Обучение ведется на польском и английском языках, а также на языках тех стран, где проходили зарубежные выездные занятия.

Отбор в школу проводится в форме конкурса заявлений о зачислении, оцениваемых специальной комиссией, которая создается в Варшавском университете (во время выездов этой комиссии в отдельные страны по мере возможности проводятся беседы с кандидатами; помимо того помощь в оценке оказывают также польские дипломатические и культурные представительства за рубежом). Из числа поданных заявлений ежегодно выбирают группу слушателей школы, насчитывающую около 30 человек.

К настоящему моменту выпускниками школы стали уже в общей сложности 350 человек из 24 стран — из 17 стран Центральной и Восточной Европы, Средней Азии и Кавказа (Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, России, Украины, Молдавии, Грузии, Азербайджана, Монголии, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Хорватии), а также из Турции, Швеции, Голландии, Германии, Швейцарии, США и Японии. Отдельные выпускники перешли на государственную и дипломатическую службу, другие участвуют в создании нового руководства своих государств, оказывают влияние на новые формы взаимоотношений между народами Центральной и Восточной Европы, продолжают поддерживать контакты друг с другом.

Выпускников и преподавателей объединяет международный Клуб Восточной летней школы, созданный в 2000 г. во время первого съезда выпускников и преподавателей школы в Варшаве. В сентябре 2002 г. состоялся второй съезд

выпускников Восточной летней школы. Эта встреча проходила в Брно, которое на два года, вплоть до следующего съезда, стало местопребыванием Клуба Восточной летней школы. Третий съезд состоялся в июле 2004 г. в Варшаве, а четвертый — в 2005 г. в Каунасе и был организован литовскими выпускниками школы.

Курсы политических исследований Восточной Европы (20 стипендий в год)

Стипендии предназначены для прохождения углубленных одногодичных политологических курсов при отделении восточных исследований Варшавского университета. Эти курсы ориентированы на кандидатов из стран бывшего СССР, которые уже успели реально проявить свою общественно-политическую активность. На курсах читаются, в частности, лекции по истории политических идей и доктрин, геополитике, политологическим теориям, национальной проблематике, социотехнике, методам управления в политических организациях; проходит стажировка в ведущих польских государственных учреждениях.

Warsaw East European Conference — Варшавская конференция по Восточной Европе

WEEC — это международная англоязычная конференция, посвященная «восточным вопросам». Эти рассчитанные на несколько дней конференции проводятся ежегодно в июле на территории Варшавского университета. Конференция текущего года посвящена такой теме, как «Democracy vs. Authoritarianism» («Демократия и авторитаризм»).

И в данном случае отделение восточных исследований предоставляет участникам с Востока стипендии, предназначенные для частичного покрытия их расходов на пребывание.

Восточная зимняя школа (30 стипендий в год)

Ежегодно в марте во Вроцлаве проходит Восточная зимняя школа, которая организуется в сотрудничестве с расположенным там Восточноевропейским колледжем. Школа рассчитана на студентов последнего курса гуманитарных высших учебных заведений из стран бывшего СССР и бывшего коммунистического лагеря. В занятиях ежегодно принимают участие 40 человек (в том числе около 30 слушателей из-за рубежа и 10 польских студентов), которые готовят магистерские дипломные работы, посвященные широко

понимаемой проблематике истории и современности Восточной и Центральной Европы.

Стипендиальная программа им. Лейна Киркланда (45 стипендий в год)

Начиная с 2000/2001 учебного года, отделение Восточной Европы служит варшавским координатором стипендиальной программы им. Лейна Киркланда, которую организует Польско-американский фонд свободы.

В течение первого, пробного года стипендии предназначались кандидатам с Украины. В ходе этого эксперимента отделение Восточной Европы, осуществлявшее программу, приняло 12 стипендиатов, которые на протяжении 2000/2001 учебного года пополняли свои знания в различных учреждениях и учебных заведениях Варшавы и завершили пребывание там защитой дипломных работ.

С 2001 г. программа была расширена на другие страны региона. В качестве образца она использует опыт американской программы Фулбрайта и действительно обладает шансами сыграть сходную роль для кандидатов из стран нашего региона, которые благодаря ей обретают возможность получить в Польше стипендию, характеризующуюся исключительным весом и исключительным значением.

Ответственность за осуществление данной программы в рамках всей Польши возложена сейчас на Комиссию Фулбрайта в Польше. Отделение Восточной Европы остается координатором этой программы в Варшаве. К настоящему моменту программа приняла на годовые стипендии уже свыше 200 человек.

Стипендиальная программа им. Кастуся Калиновского (300 стипендий в 2006 году)

В июле 2006 г. была запущена первая версия специальной стипендиальной программы польского правительства для 300 белорусских студентов. Цель этой программы — предоставить студентам, исключенным из высших учебных заведений по политическим причинам, возможность завершить образование в Польше или обучаться здесь до того времени, когда они смогут возвратиться в свои учебные заведения. Основанием для учреждения данной программы послужило «Письмо о намерениях», которое 30 марта 2006 г. подписали в зале им. Адама Мицкевича Варшавского университета председатель Совета министров Польши Казимеж

Марцинкевич, представитель блока объединенных демократических сил Белоруссии Александр Милинкевич, а также ректоры — представители Конференции ректоров польских университетов и Конференции ректоров польских вузов.

Координирует стипендиальную программу им. Кастуся Калиновского отделение Восточной Европы Варшавского университета. Ее стипендиаты перед началом учебного года приняли участие в специальном трехмесячном подготовительном курсе, который включал в себя изучение польского и английского языков, лекции по истории и культуре Центральной и Восточной Европы, а также по современной международной проблематике, особенно относящейся к Евросоюзу. Помимо этого слушатели участвовали в культурной программе, а также в поездках, носивших научный и краеведческий характер.

Стипендии польского правительства для молодых ученых (70 стипендий в год)

Отделение Восточной Европы с 2003 г. координирует специальную стипендиальную программу польского правительства для молодых ученых из России, Украины, Белоруссии, Молдавии, стран Закавказья и Средней Азии. В этой программе ежегодно принимают участие около 70 стипендиатов — молодых ученых, которые на протяжении девятимесячной стажировки в самых лучших польских вузах Польши повышают свою квалификацию.

* * *

Более широкую и подробную информацию о стипендиях, предлагаемых отделением Восточной Европы Варшавского университета, можно найти на интернет-сайте www.studium.uw.edu.pl

ПОЗИТИВНО О ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В декабре 2005 г. в Ольштыне, в рамках организованного фондом «Боруссия» цикла «Темы», состоялась встреча преподавателей истории на тему «Существуют ли польско-российские отношения? Польские и российские интерпретации совместной истории». Педагоги, выслушав выступления и приняв участие в дискуссии, участвовали затем в той части семинара, которую можно назвать мастерской. В небольших, национально смешанных группах они разрабатывали методические сценарии уроков, посвященных событиям, которые важны для истории обеих стран. И вот что любопытно. Если общая дискуссия протекала в довольно-таки конфронтационном тоне, вызывая сильные эмоции среди учителей, которым трудно было принять интерпретацию событий — например, Варшавского восстания, — отличающуюся от той, какой они сами обучают, то работа в группах оказалась открытой (проявлением чего были рассказы о семейных судьбах и собственном жизненном опыте) и конструктивной. В личной же плоскости контакты налаживались буквально естественным образом, а сотрудничество с помощью переводчика протекало без малейших проблем. Спор возникал всегда в том случае, когда речь заходила о факторах неуволнимых, но значимых. В этой плоскости любые уступки и взаимопонимание давались трудно. Это наводит на мысль, что уровень хотя бы относительного консенсуса по поводу истолкования определенных исторических событий — пока еще отдаленная цель, слишком дерзновенная, если исходить из сегодняшних скромных возможностей. А то, что возможно сегодня, хоть выглядит оно действительно не слишком эффектно и впечатляюще, — это широкий обмен опытом в самых разнообразных конкретных сферах, начиная с методической работы с трудными школьниками или с решения проблем инвалидов и кончая деятельностью неправительственных организаций, направленной на развитие демократического общества.

За тематику обмена опытом в области развития гражданского общества взялись в прошлом году два крупных фонда: с польской стороны — Фонд им. Стефана Батория, а с Российской — «Новая Евразия». Проект ставил перед собой цель положить начало диалогу между меньшими субъектами третьего сектора из обеих стран, а также сделать возможным запуск совместных проектов. В трех тематических группах в Варшаве встретилось около сорока организаций, и российская сторона приняла участие в студийных посещениях, благодаря чему познакомилась с условиями функционирования польских организаций как в столице, так и в городах поменьше. Участники сочли эту встречу весьма удачной, высказав желание начать сотрудничество с польскими партнерами. Однако конечный результат в виде поданных ходатайств о дополнительном финансировании проектов оказался гораздо более скромным. Вновь приходит в голову вопрос о критериях успешности предпринимаемых усилий. Непосредственный итог, никак не соразмерный с затратами труда, действительно не потрясает. Благоразумие, однако, подсказывает, что есть смысл принять долгосрочные критерии успеха, вооружиться терпением и методично предпринимать новые попытки.

Другая форма сотрудничества, доступная в такой безотрадный период польско-российских отношений, — укрепление уже существующих контактов между высшими учебными заведениями. Речь здесь идет как о встречах и стажировках ученых, так и — а может быть, прежде всего — об увеличении количества стипендий, выделяемых в рамках студенческого обмена. Поездки польских студентов на семестр или учебный год на Запад, в партнерские учебные заведения, ставшие возможными благодаря европейской программе «Sokrates/Erasmus» («Сократ/Эразм»), стали до такой степени привычными, что в распоряжении некоторых факультетов оказывается больше мест, чем желающих. Тем временем реально воплощаемые в жизнь соглашения между польскими и российскими университетами можно сосчитать на пальцах двух рук. Диспропорция здесь гигантская, и это отчасти следствие меньшей заинтересованности, но в первую очередь — разницы в выделяемых средствах. В случае Варшавского университета и МГУ обменом охвачено по несколько студентов с каждой стороны в год, хотя при большей популяризации такой возможности и лучших условиях финансирования количество заинтересованных наверняка выросло бы многократно. Для сравнения, три года назад в ходе моего стипендиального пребывания в Москве во всем этом огромных размеров университете насчитывалось всего трое поляков, тогда как немцев и французов — по несколько сотен. По

численности нас в несколько раз превосходили даже студенты из Чехии и Южной Кореи. Об огромной полезности таких выездов нет смысла писать, потому что она очевидна. Такие поездки гарантируют ежегодный рост убежденных сторонников польско-российского сотрудничества, а также лиц, желающих активно участвовать в его развитии.

Вышеописанные способы — это примеры малых, но уверенных шагов. Без тех успехов, которые празднуют с шампанским, но с реальными переменами в человеческих сердцах. Надеюсь, что со временем все больше людей проникнется доверием к такой позитивной форме развития связей с нашим восточным соседом. Я уверена, что это — самый лучший способ вырваться из того заколдованного круга взаимных обвинений, в котором мы пока что продолжаем пребывать, словно в тупике.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛЬШЕ

— Вы экономист и новый ректор Щецинского университета. Помогает ли вам эта профессия успешней руководить учебным заведением?

— Думаю, не имеет особого значения, какую область науки представляет ректор. Зато важно, насколько он подготовлен с организационной точки зрения, чтобы вести дела вуза. Экономисту, наверное, проще управлять университетом. Может быть, потому что в настоящее время наше дальнейшее развитие зависит от экономических и финансовых дел. Впрочем, при скромном (как сейчас) финансировании от министерства национального образования и спорта все-таки необходим взгляд экономиста. В том числе и на коммерческую деятельность вуза, которая способна обеспечить нам стабилизацию.

Кроме того, я считаю, что экономисту проще оценивать разные проекты, которые мы можем осуществлять в Евросоюзе. Речь идет, разумеется, о проверке не с научной точки зрения, об этом заботятся специалисты, а с точки зрения окупаемости того или иного проекта. Потому что есть и такие наши проекты, где учитывается лишь их важность, хотя они не приносят никаких денег. Однако есть и те, что обеспечивают развитие вуза с экономической стороны. Следовательно, экономическое образование часто может оказаться очень полезным.

— Щецинский университет отмечает сейчас свое 20-летие...

— Это наш большой праздник, и мы будем его долго отмечать. Мы планируем в течение всего первого и второго семестра этого учебного года проводить мероприятия, посвященные этой годовщине.

Мы можем также смело сказать, что мы уже не самое молодое высшее учебное заведение в стране, а среднее по возрасту. Наш университет разросся и сейчас насчитывает более 36 тыс. студентов и 2 тыс. сотрудников; это самое крупное предприятие Западного Поморья.

Университет обзавелся кадрами. У нас 200 научных сотрудников и более 100 штатных профессоров, работающих на постоянной основе. У нас из года в год растет число грантов и научных проектов, которые финансируются Комитетом научных исследований и Евросоюзом. Мы открываем новые отделения и специальности. Университет обогащается новой инфраструктурой как в самом Щецине, так и за его пределами. Все наши помещения систематически ремонтируются.

Нашей визитной карточкой в последнее время стал Европейский центр конгрессов на Краковской улице — здесь расположен единственный в городе зал на 800 человек, где могут проходить все университетские мероприятия, а также региональные и международные конгрессы.

20 лет назад мы начинали с экономики и гуманитарных наук. Сейчас у нас сильны также математика и физика. Динамично развивается факультет естественных наук, имеющий полные университетские полномочия. Недавно у нас открылся и богословский факультет. Наш научный потенциал неуклонно растет. Наконец, возникают или возобновляются многие студенческие начинания, такие как Бюро карьер, Инкубатор предпринимательства или заочное обучение.

— Какие приоритеты будут преобладать в университете в ближайшие годы?

— Основная цель, конечно, — развитие. При этом, однако, мы не планируем дальнейшего увеличения числа студентов. По моему убеждению, университет с таким потенциалом, которым мы обладаем в настоящее время, должен обучать максимум 30 тыс. студентов, в разных формах обучения.

Мы хотим и дальше укреплять наши кадры научных сотрудников, приглашая профессоров со стороны и делая одновременно большой упор на то, чтобы наши работники получали докторскую степень.

Мы также планируем продолжать ремонт нашей инфраструктуры на средства, привлеченные извне. Мы твердо настроены на тесное сотрудничество с Евросоюзом и новые проекты — заявки на эти проекты (на сумму в несколько миллионов евро) уже поданы в ЕС, и есть большие шансы, что они осуществляются еще в этом году. Эти проекты нам очень важны, чтобы обеспечить дальнейшее развитие научных исследований. Думаю, что при нынешних настроениях наших кадров существует очень большой шанс на успех.

Нам также важно, чтобы в течение нового срока полномочий [Сейма] удалось создать в Щецине один большой Западнопоморский университет, в который вошли бы наш вуз, Поморская медицинская академия и Сельскохозяйственная академия. Создание такого большого высшего учебного заведения стало бы большим успехом не только с прагматической, но и с содержательной стороны. Это был бы вуз с большим научным потенциалом, которому удавалось бы значительно легче и эффективней добиваться более крупных средств. Эта идея появилась несколько лет тому назад, но до сих пор по разным соображениям не была осуществлена. Однако я надеюсь, что ситуация уже постепенно созревает и к концу срока полномочий [Сейма] все три учебных заведения будут готовы к такой интеграции. Мой оптимизм объясняется беседами, которые мы вели в последнее время с ректорами этих вузов.

— Более тесное сотрудничество с Евросоюзом — это и более открытое сотрудничество с его учебными заведениями, в том числе с немецкими университетами...

— Сотрудничество с немецкими университетами было и остается для нас ведущим направлением. Уже много лет мы сотрудничаем с университетами в Грейфсвальде, Ростоке и Гамбурге. Судя по всему, это сотрудничество будет и в дальнейшем развиваться динамично. Мы хотим расширить многолетнее сотрудничество с университетом Бари [в Италии]. Мы заинтересованы в том, чтобы кроме обмена студентами проводились также совместные научные исследования.

Думаем мы и о сотрудничестве с вузами Америки, Новой Зеландии и Южной Африки. Эти направления с точки зрения больших расстояний и расходов на дорогу кажутся немного экзотическими, хотя с точки зрения привлекаемых на совместные исследования средств наше сотрудничество с ними представляется всё более реальным.

Мы не забываем и о наших восточных друзьях, особенно о тех, которые находятся недалеко от нашей границы, а именно о высших учебных заведениях Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии и Украины. Надеюсь, что это восточное направление будет оставаться для нас весьма привлекательным. Тем более, что в области точных наук, особенно математики и физики, этим странам есть что сказать. С научной точки зрения такое сотрудничество было бы для нас очень желательным.

Не следует также забывать, что после вступления Польши в Евросоюз мы стали его крупнейшей страной на востоке — как бы плацдармом для дальнейшего расширения на восток.

— Ваш вуз принимает сейчас студентов из-за границы? Что мы можем предложить им в Польше?

— Мы действуем в рамках европейской системы оценок. Следовательно, существует возможность проучиться в Щецине семестр или даже целый год. Такая возможность касается студентов из стран Евросоюза. На некоторых отделениях проблемой может оказаться только языковой барьер.

Уже много лет на факультете экономических наук и управления, на лекциях по информатике, у нас две языковых группы (немецкая и английская), где 60% занятий проходят на этих языках. В таких группах кроме польских студентов учатся и немецкие.

Мы также более уверенно движемся в сторону заочного обучения. Непосредственный контакт студента с преподавателем через информационные каналы стал сейчас возможен. Мы будем стараться, чтобы как раз таким образом сделать наш университет еще более открытым для всех желающих, а следовательно, и студентов из-за границы.

— Для того чтобы учебное заведение хорошо функционировало, вам необходимо умело совмещать ректорские и научные обязанности. Не станет ли административная работа помехой для научно-исследовательской?

— Я так устроен, что без особых хлопот совмещаю эти две обязанности. Взяв на себя функции проректора шесть лет тому назад, а еще раньше — заместителя декана, я научился заботиться об этом равновесии.

Вообще я занимаюсь использованием количественных методов на рынке капиталов. Это вопросы, связанные с финансами и управлением ими. Это также тесное общение с биржей, все виды анализа, такие как технический, фундаментальный, портфельный, и, наконец, финансовая инженерия. В этой области я написал несколько десятков книг, которые были высоко оценены на конкурсах и получили различные премии. За нашу последнюю работу, которую я написал вместе с кандидатом экономических наук Луневской, мы получили премию министра, а это значит, что я сохраняю равновесие в своих организаторских и научных обязанностях.

Беседу вел Лешек Вонтрубский